

Франсуаза
Саган

**В ловушке
ЛЮБВИ**

Annotation

Женщина, о которой мечтают, женщина, по которой сходят с ума, женщина, которую богато содержат и заботливо опекают, находит вдруг свою любовь. Настоящую любовь, дающую ей смысл, счастье и уверенность, как будто из-под серой пыли и грязи на свет пробился прекрасный цветок.

•

Annotation

Женщина, о которой мечтают, женщина, по которой сходят с ума, женщина, которую богато содержат и заботливо опекают, находит вдруг свою любовь. Настоящую любовь, дающую ей смысл, счастье и уверенность, как будто из-под серой пыли и грязи на свет пробился прекрасный цветок.

Франсуаза Саган

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

19

notes

1

Франсуаза Саган

В ловушке любви

А может быть, и ты всего лишь заблуждение ума, бегущего от истины в мечту?

Мы были приглашены на вечер к Алферну, врачу, лечившему половину высшего общества, и я долго колебалась, прежде чем решиться пойти. Полдня, проведенные с моим мужем Аланом, полдня, окончательно и бесповоротно уничтожившие четыре года любви, страсти и нежности, я предпочла бы закончить в объятиях Морфея или в пьяном забытьи. Так или иначе, в одиночестве. Но Алан, как и положено истинному мазохисту, настоял, чтобы мы пошли. Он надел на лицо привычную красивую маску и мило улыбался, когда его спрашивали, как поживает самая дружная пара в Париже. Он шутил и говорил всякие забавные вещи, не выпуская при этом моего локтя, который он довольно сильно сжимал пальцами. Я поглядывала на нас в зеркале и тоже улыбалась этому очаровательному отражению: высокие и стройные, он — блондин с голубыми глазами, я — сероглазая брюнетка. У нас были одни жесты, и в обоих теперь уже явно проступали признаки полного крушения. Только он все-таки не удержался и зашел слишком далеко. Это произошло, когда одна умильная дуреха спросила его: «Ну, скоро я стану крестной, Алан?» И тогда он ответил, что моя жизнь и так до краев наполнена таким мужчиной, как он, и двоих я не заслуживаю. От злости у меня потемнело в глазах. «Это правда», — ответила я, и, как иногда бывает в музыке, когда пароксизм знаменует неожиданный переход к другой теме, я вырвала свой локоть и повернулась к нему спиной. Вот так вот, однажды, парижским зимним вечером, во время коктейля я очутилась лицом к лицу с Юлиусом А. Крамом. Я вырвалась так резко и стремительно, что почувствовала спиной, как Алан задрожал от бешенства. Лицо Юлиуса А. Крама (а он немедленно так и представился: Юлиус А. Крам) было бледным, замкнутым и невыразительным. На всякий случай я спросила его, нравятся ли ему выставленные здесь картины. Ведь вечер был организован хозяйкой дома, неугомонной Памелой Алферн с одной только целью: продемонстрировать полотна своего любовника.

— Какие картины? Вот новость! — воскликнул Юлиус А. Крам. — Ах да, кажется, я вижу одну около окна.

Он двинулся к окну, и я машинально пошла за ним. Я последовала за этим маленьким человеком, и так как была выше его на полголовы, то тут же заметила у него на черепе небольшие плацдармы, откуда в скором времени должна была начать свое победоносное наступление лысина. Он резко остановился перед одной из картин, написанной человеком, мечтавшим прослыть настоящим художником, и поднял голову. За стеклами очков были голубые и круглые глаза. К ним удивительно не подходили ресницы — словно пиратские паруса, поднятые на рыбацьем баркасе. Созерцание картины длилось с минуту, затем он издал хриплый звук, больше напоминавший собачий рык, чем человеческий голос. Но тем не менее я разобрала: «Какой кошмар!» — «Простите?» — изумленно переспросила я, ибо то, что он пролаял, показалось мне хоть и справедливым, но совершенно неуместным. Но он повторил так же громко: «Просто ужас!» Те несколько человек, что стояли рядом с нами, поспешили отступить, чувствуя, что в воздухе запахло скандалом, и я, зажата между картиной и храбрым Юлиусом А. Крамом, осталась одна. В планы моего спутника явно не входило дать мне возможность улизнуть. Вокруг возник легкий ропот. Ведь Юлиус А. Крам четко и ясно произнес, причем два раза: «Какой ужас!» Слова эти были сказаны о картине, а очаровательная Жозе Аш — то есть я — даже не попыталась протестовать. Наконец, шестое чувство мадам Дебу уловило этот ропот, и эта властная особа решительно повернулась к

нам. Да, мадам Дебу была личностью. Она крепко держала в своих цепких руках светское общество, манипулируя им с чисто царским бессердечием. В свои шестьдесят с лишним она была стройна и элегантна и носила черные как смоль волосы. Состояние мужа, умершего очень давно, делало ее независимой, а в некоторых обстоятельствах чрезвычайно жестокой. И как бы ни складывались эти обстоятельства, какие бы драмы ни происходили, мадам Дебу везде влезала, пытаясь все «устроить» с грацией слона в посудной лавке. И «устраивала», круша все вокруг. В итоге она оставалась в гордом одиночестве, словно завоеватель среди развалин города. Словом, мадам Дебу^[1] и впрямь оправдывала свою фамилию. Ее точка зрения никогда не подвергалась сомнению, а приговоры не подлежали обжалованию. Она моментально видела традиции в авангардистском произведении и черты новаторства в банальном. Пожалуй, если бы не природная злоба, она была бы умна.

Почувствовав, что произошло нечто из ряда вон выходящее, она тут же направилась к нам. И как всегда, казалось, что за ней следуют лакеи, шуты и телохранители. Она всегда приходила одна, но не покидало ощущение, что ее окружают наемные убийцы, преданные и готовые ради нее на все. Это обстоятельство, очевидно, пресекало любые попытки фамильярности и служило причиной почтительного вакуума, образовавшегося вокруг нее.

— Вы что-то сказали, Юлиус? — поинтересовалась она.

— Я сказал, мадам, — ответил Юлиус, несколько не испугавшись, — что эта картина ужасна.

— А это было так необходимо? В конечном счете она не так уж и плоха.

И она кивнула в сторону пронзенного стрелами Святого Себастьяна, которого только что добил Юлиус. Движение подбородка и тон были безукоризненны. В них смешались презрение к полотну, жалость и понимание слабостей хозяйки дома и легкий призыв к вежливости и порядку, адресованный Юлиусу.

— Эта картина вызвала у меня смех, — сказал Юлиус изменившимся и теперь слегка сиплым голосом. — Я ничего не мог с собой поделать.

Тут в сопровождении Алана к нам подошла Памела Алферн. До нее долетели обрывки фраз, она заметила легкое замешательство гостей и сразу же на всех парусах примчалась к месту битвы. Бросив на нас вопросительный взгляд, она спросила:

— Юлиус, вам понравилась картина Кристобаля?

Юлиус, насупившись, смотрел на хозяйку дома и молчал. Последняя немного отступила, но тут же вспомнила о своих обязанностях:

— Вы знакомы с Аланом Ашем, мужем Жозе?

— Вашим мужем? — переспросил Юлиус.

Я кивнула. И тут он расхохотался. Это был даже не смех, а гогот тевтонца, раздавшийся из глубины веков, невозможный и неуместный. Это было ужасно.

— И что тут смешного? — спросил Алан. — Вас рассмешила картина или то, что я муж Жозе?

Юлиус посмотрел ему в глаза. Я находила этого человека все более и более экстравагантным. По крайней мере, ему нельзя было отказать в смелости: всего за три минуты он успел наехать на мадам Дебу, хозяйку дома, и Алана — это кое о чем говорило. По меньшей мере о хладнокровии.

— Я смеялся просто так, — бросил он резко. — И вообще, я не понимаю, дорогая, — тут он обратился к мадам Дебу, — вы всегда упрекаете меня в том, что я не смеюсь. Так вот: теперь вы можете быть довольны — я смеюсь.

И тут я вспомнила, что уже слышала о нем раньше. Юлиус А. Крам был очень могущественным бизнесменом, пользовавшимся поддержкой влиятельных политиков. Без сомнения, он был в курсе швейцарских счетов трех четвертей гостей на вечеринке. Его приглашали, поговаривали, что он щедр, но так же и жесток. Это обстоятельство объясняло вымученные улыбки на лицах мадам Дебу и Памелы Алферн.

Так мы и стояли вчетвером, глядя друг на друга и не зная, что еще сказать. Конечно, нам с Аланом не оставалось ничего другого, как уйти. Поздравить художника, который красовался у входа, и вернуться в свою печальную обитель. Но казалось, что эта ситуация, на самом деле легко разрешимая с помощью таких слов как «до свидания, до скорого» или «рады были познакомиться», вдруг стала тупиковой. И ее разрешил сам Юлиус, который пригласил меня пропустить стаканчик в буфете, расположенном в другом конце гостиной. Кажется, Юлиус серьезно взял на себя роль вождя племени, и я снова покорно проследовала за ним через весь салон. Как и в прошлый раз, мы шли ускоренным маршем, и меня разобрал приступ сумасшедшего смеха. Смеха, в котором звучало и опасение, потому что взбешенный Алан уже стал белым почти до прозрачности. Я впопыхах выпила рюмку водки, которую, нисколько не интересуясь моими вкусами, Юлиус властно сунул мне в руку. Вокруг нас вновь будто загудел пчелиный рой, и мгновение спустя мне уже казалось, что на этот раз скандала удалось избежать.

— Поговорим серьезно, сказал Юлиус А. Крам. — Чем вы занимаетесь в жизни?

— Ничем, ответила я с оттенком гордости.

И правда, среди этих бездельников, без конца говоривших о своих маленьких делишках, вроде рисования эскизов мебели или украшения интерьеров в финском стиле и прочей керамики, не забывая при этом о своем участии в тысячах финансовых предприятий, я была рада признать свое полное безделье. Я была женой Алана, который меня содержал. И только тут я неожиданно осознала, что вот-вот покину его и больше уже никогда не смогу принять от него ни единого доллара. Необходимость искать работу стала вдруг насущной реальностью. Мне нужно было присоединиться к той веселой группе людей, чьи профессии носят расплывчатые названия типа «пресс-атташе» или «уполномоченный по общественным связям». И еще: мне нужно было везение, чтобы попасть в тот привилегированный круг, где люди встают не раньше девяти часов и ездят на морские курорты не реже двух-трех раз в год. Между мной и материальной стороной жизни всегда кто-то стоял: сначала родители, затем Алан. Но теперь, кажется, этим счастливым временам пришел конец, а я, бедная дурочка, радовалась, словно меня ждало захватывающее приключение.

— И что же, вам нравится ничего не делать?

Взгляд Юлиуса А. Крама не был строгим. В нем сквозило легкое любопытство.

— Конечно, — ответила я. — Я слежу за тем, как течет время, бегут дни, загораю на солнышке, если оно есть, не зная того, что буду делать завтра. А когда меня охватывает страсть, то у меня есть время заняться ею. Я считаю, что каждый должен иметь на это право.

— Может быть, — мечтательно произнес он. — Никогда не думал об этом. Я всю жизнь работал, и мне нравится работать, — добавил он мягко, словно извиняясь.

Станный это был человек. Одновременно слабый и опасный. В нем колыхалось что-то, не поддававшееся пониманию — может быть, отчаяние. Именно оно, наверное, и было причиной этого ужасного смеха. Но нет, подумала я, не стоит заниматься психоанализом делового человека. Что мне его успехи и одиночество? Когда ты очень одинок, но очень богат, не стоит жаловаться на судьбу.

— Ваш муж, не отрываясь, глядит на вас, — заметил он. — Что вы с ним сделали?

Почему он заранее отвел мне роль палача? И что мне было ответить? Мой муж... Любила ли я его? Любила ли я его сильно? Так себе? Что я должна была ответить, чтобы не солгать? Учитывая, что я была зла на Алана. И где та правда, которая удовлетворила бы не только меня, но и Алана?

Вот оно, самое худшее, когда люди расходятся: они не просто расстаются, но расстаются по совершенно различным причинам. После стольких лет счастья и близости, когда уже кажется, что жизнь невозможна друг без друга, вдруг оказываешься в пустыне в поисках тропинок, которые никогда не пересекутся.

— Уже поздно, — сказала я. — Мне пора идти.

И вот тогда Юлиус А. Крам торжественным и полным удовлетворения голосом описал прелести чайного салона Салина, а затем пригласил меня туда послезавтра в пять часов. Конечно, если я считаю это место слишком старомодным... Я лишь удивленно кивнула в ответ и направилась к Алану. Мы погрузились с ним в ночь, полную ссор, упреков и слез, теперь уж наверняка последних, а у меня в голове все звучали слова Юлиуса: «Там лучшие в Париже профитроли».

Такой была моя первая встреча с Юлиусом А. Крамом.

2

— Ромовую бабу, — сказала я.

Я сидела в уголке диванчика в Салине и пыталась перевести дух. Я не опоздала ни на секунду и пребывала в полном отчаянии. И мне нужна была не ромовая баба, а самый настоящий ром, из тех, что дают перед смертью приговоренным к казни. Два дня и две ночи меня расстреливали из мушкетов любви, ревности и безысходности. Алан направил на меня все орудия, которые имелись в его арсенале, и расстреливал цель в упор. Два дня и две ночи он не выпускал меня из квартиры, и я лишь чудом вспомнила о свидании с Юлиусом А. Крамом в чайном салоне.

Любое другое свидание, с другом или просто близким человеком, подтолкнуло бы меня к словоизлияниям, а мне этого не хотелось. Я терпеть не могла откровенностей, в которых женщины моего поколения так часто находят удовольствие. Я никогда не могла толком объяснить свое состояние и всегда боялась, что чувство вины возобладает над всеми остальными. Да к тому же я знала, что есть лишь два решения этой проблемы: первая — продолжать терпеть Алана, совместную жизнь, и второе — уйти, скрыться, убежать. Иногда я, сама не зная, как поступить, вспоминала его таким, каким любила, и тогда я изменяла самой себе, отказываясь от единственно правильного решения. А в этом салоне, посреди щебета голодной молодежи и шепота пожилых дам, я чувствовала себя хорошо.словно в убежище, под охраной поколения, выросшего на английских пудингах и мощных французских эклерах, под присмотром черных монашек, не знавших ничего ни обо мне, ни о чем-либо вообще. Вкус к жизни, желание улыбаться медленно возвращались ко мне. Я смотрела на Юлиуса А. Крама. Таким я его еще не видела. Выглядел он очень благопристойно. Выражение его слегка помятого лица можно было назвать даже нежным. За два прошедших дня щетина лишь местами покрыла его скулы и подбородок. И глядя на эту чисто юношескую поросль, я позабыла о его дикой энергии и грубой силе, позволившим ему стать тем, кем он был: великим и могущественным Юлиусом А. Крамом. Вместо промышленного магната я видела перед собой пожилого ребенка. Впечатления часто

обманывали меня, но почти всегда, яркие и образные, они поглощали меня полностью, и, несмотря ни на что, я была рада им.

— Два чая, ромовую бабу и миндальное пирожное, распорядился Юлиус.

— Сию минуту, господин Крам, — пропела официантка и, сделав немислимый реверанс, скрылась в коридорчике за ширмами.

Я сидела и пожирала официантку глазами. Обычно люди смотрят вокруг с таким преувеличенным вниманием после того, как им удалось избежать большой опасности, опасности, которая могла закончиться фатально. «Я сижу в чайном салоне с промышленным магнатом Мы заказали ромовую бабу и пирожное», — повторяла я про себя. А в сердце и в моей памяти жило прекрасное лицо Алана, прижатое к перилам лестницы и искаженное ненавистью. За свою жизнь я повидала множество баров, ресторанов и ночных клубов нашей маленькой планетки. Но я никогда еще не бывала в чайных салонах. Картинка напоминала полотно Жуи: белые передники, накрахмаленные чепчики, предупредительность... Все это рождало во мне ощущение мнимой безопасности, которую я не в силах была перенести. Что тут поделаешь, но, наверное, я действительно была создана больше для того, чтобы сидеть на диване растрепанной и задыхающейся от гнева напротив молодого мужчины, испытывающего те же страдания, чем лакомиться пирожными в обществе благопристойного незнакомца. Иногда, очень редко, вот как сейчас, видишь себя словно со стороны. Но чаще всего плывешь, исчезая среди бесцветных, солоновато-горьких пузырьков, ослепнув и оглохнув от отчаяния. Иногда ты выныриваешь победительницей и предстаешь солнцем в глазах кого-то, кто создал твой образ на горе самому себе. Но конечно, в тот момент я не думала об этом. Да и вообще у меня нет привычки заниматься самокопанием, меня больше интересуют другие. В тот момент я пыталась определить цвет пирожного: желтый или бежевый. В конце концов я спросила об этом Юлиуса. Я просто не знала, о чем с ним говорить. Вопрос застал его врасплох, и он пожал в ответ плечами — так мужчины дают понять, что не имеют представления о том, что вас интересует, — а затем спросил, как поживает Алан. Я ответила, что хорошо.

— А вы?

— Конечно, тоже.

— Конечно... это не ответ.

Он начинал меня раздражать. Ответ или нет, но другого у меня не было. Единственное, о чем я могла рассказать ему, — о своем детстве, знакомых и мучительном замужестве с Аланом. В конце концов он был для меня незнакомцем. Я не видела в нем ни друга, ни доверенное лицо. Мне уже начало казаться, что его пирожное никогда не принесут.

— Я нескромнен, — заявил он решительно. Выглядел он при этом очень торжественно.

Я слегка махнула рукой в слабом жесте отрицания. Затем взглянула на свои пальцы: они дрожали. Я стала копаться в сумке в поисках сигарет.

— Я всегда был нескромным, — продолжил Юлиус А. Крам. — Хотя, — добавил он, — скорее это не нескромность, а неловкость. Я хочу все знать о вас. Да, да, я знаю, что сначала должен был бы поболтать о том, о сем, но у меня никак не получается.

А я подумала: изменилось бы что-нибудь, если бы мы поболтали сначала о том, о сем. И тогда, неожиданно, он действительно предстал передо мной нескромным, грубым и лишенным какого-либо обаяния. Если он не обладал никаким воображением и был не в состоянии завязать даже пустячную беседу, в особенности пустячную, то, зная об этом, ему не следовало приглашать меня в нелепый чайный салон. Мне захотелось уйти и оставить его

наедине с его дурацкими пирожными. Но страх, поджидавший за порогом салона, ужас при одной мысли, что наступит момент возвращения домой, где царил ад, удержали меня на месте. «Постой, — подумала я, — он же как никак человек. Мы должны обменяться хотя бы несколькими фразами, а то твой приход, а потом побег будут выглядеть просто нелепо». Вообще-то это случилось со мной впервые: я была скована, не знала, что сказать и хотела бежать. Я приписывала это отсутствию знания жизни, бессоннице последних ночей и нервному состоянию. Короче, я сделала именно то, чего ни в коем случае не следовало делать: я приписала всю вину за неудачное начало встречи себе, а не Юлиусу. Всю жизнь моя больная совесть, напоминавшая умственную отсталость, заставляла меня испытывать смутное чувство вины. По дороге в салон я испытывала чувство вины перед Аланом, а теперь — перед Юлиусом А. Крамом. Я готова была поспорить, что если бы официантка сейчас растянулась на полу вместе со своими пирожными, то я почувствовала бы себя виноватой и перед ней. Что-то вроде злости против самой себя, против того кошмара, в который я превращала свою жизнь, стало глухо подниматься во мне.

— А вы сами, спросила я. — Что вы делаете в жизни?

— Закрываю сделки, ответил Юлиус А. Крам. — А точнее, я заключил так много сделок, что теперь провожу время, следя за тем, как выполняются условия договоров. У меня есть машина, в которой я живу и которая возит меня из одной конторы в другую. Проверяю, как идут дела, и еду дальше.

— Весело, — сказала я. — А что еще? Вы женаты?

Он заколебался. Может, он боялся, что я узнаю, что он холостяк?

— Нет, наконец, ответил он. — Я не женат, хотя однажды чуть не женился.

Он произнес это так торжественно, что я взглянула на него с любопытством.

— Не сложилось? — спросила я.

— Мы были разного круга.

Казалось, чайный салон застыл у меня перед глазами. И что я забыла тут, сидя напротив этого сноба?

— Она была аристократкой, — сказал Юлиус А. Крам Вид его при этом был пренесчастный. Английской аристократкой.

И вновь, уже во второй раз, я взглянула на него с любопытством. Если этот человек и не интересовал меня, то, по крайней мере, он меня удивлял.

— И в чем же дело? Она была аристократкой...

— Я стал тем, кем стал, только благодаря самому себе, — объяснил Юлиус А. Крам. — А когда я встретил ее, то был еще очень молод и неуверен в себе.

— А теперь что? — спросила я заинтригованно. Вы чувствуете себя уверенно?

— Теперь да, — ответил он. — Видите ли, деньги — это, наверное, единственное, что придает человеку уверенность в себе.

И словно для того, чтобы подтвердить эту мысль, он застучал ложечкой по чашке.

— Она жила в Ридинге, продолжал он мечтательно. Вы бывали когда-нибудь в Ридинге? Небольшой городок недалеко от Лондона. Мы познакомились на пикнике. Ее отец был полковник.

Воистину, решив развеяться, мне следовало бы лучше пойти в кино и посмотреть один из тех фильмов, насыщенных убийствами и сексом, что наводнили кинематограф в наше время. Этот пикник с дочерью полковника был не совсем то, что могло воспламенить воображение отчаявшейся молодой женщины. Мне как всегда повезло. Единственный раз

мне выпала удача повстречать матерого финансового волка и что же? Полное фиаско: англичанка-невеста, да к тому же еще аристократка. Мне легче было представить себе дюжину нью-йоркских банкиров, которых Юлиус А. Крам довел до самоубийства. Я слегка надкусила ромовую бабу и обрадовалась. Пирожные всегда вызывали во мне ужас. А Юлиус А. Крам, должно быть, продолжал в своих воспоминаниях бродить по зеленым холмам Ридинга. Он молчал.

— И что же было потом? — все-таки спросила я.

Раз уж разговор завязался, я должна была закончить его, соблюдая все приличия.

— О, потом ничего стоящего, — Юлиус А. Крам покраснел. — Несколько приключений... может быть.

На мгновение я представила его в одном из известных заведений в окружении обнаженных женщин. Голова пошла кругом. Нет, это было невозможно даже в воображении. Весь облик Юлиуса А. Крама, его голос, кожа отвергали всякую сексуальность. И тогда я спросила себя, в чем заключается его сила в этом мире? Ведь казалось, что он лишен двух самых главных качеств, являвшихся рессорами человеческого естества: тщеславия и сексуальности. Я ничего не понимала в этом человеке. В обычной ситуации это обстоятельство возбудило бы во мне любопытство, но сейчас оно лишь приводило меня в замешательство. Я чувствовала себя не в своей тарелке. Кажется, мы еще поговорили о том о сем, и я с притворным энтузиазмом приняла его предложение встретиться здесь же и в то же время на следующей неделе. На самом деле я бы согласилась на что угодно, лишь бы выкарабкаться из этого дурацкого положения.

Я возвращалась домой пешком, неспеша, а когда проходила Королевский мост, меня разобрал смех. Мало того, что эта встреча была экстравагантной, ее невозможно было никому пересказать. Скорее всего именно из-за абсурдности ситуации, я вспоминала о ней в последующие дни. И воспоминание это, как ни странно, было приятным.

3

Две недели спустя я полностью забыла эту интермедию. Я позвонила Юлиусу А. Краму, а точнее его секретарше, и отменила наше свидание. На следующий день я получила букет цветов и записку, в которой Юлиус А. Крам выражал свое глубокое сожаление. Этот букет прежде чем увянуть, несколько дней скрашивал своим веселым видом нашу пустынную, составленную из острых углов и четких линий квартиру, в которой царствовала адская атмосфера, тщательно поддерживаемая мной и Аланом.

Ситуация, если можно было так сказать, оставалась без изменений. Алан теперь не выходил один из квартиры. Если я уходила куда-нибудь, то он следовал за мной. Если звонил телефон, что случалось с каждым днем все реже и реже, он брал трубку, говорил: «Никого нет дома» — и клал ее на место. В остальное время он метался как безумный взад-вперед по квартире, осыпал меня упреками, придумывая на ходу новые и новые, и будил, когда я спала, чтобы допросить и обидеть. Иногда он, словно ребенок, оплакивал нашу любовь, стонал, что один виноват во всем, а то набрасывался на меня, обвиняя во всех смертных грехах. Я уже ничего не соображала и ни на что не реагировала. Я думала лишь о побеге. Мне казалось, что эта гроза, этот жуткий водоворот, в который мы попали и который засасывал с каждым днем все сильнее и сильнее, должен иметь свой конец и он неизбежно наступит, нужно лишь подождать. Следуя каким-то внутренним рефлексам, я принимала душ, чистила зубы, одевалась или раздевалась. Придя в ужас от нашей жизни, горничная сбежала восемь дней

назад. Мы питались консервами, каждый в своем углу. Я бестолково сражалась с консервированными сардинами, которые вовсе не хотела есть, но ела, потому что должна была это делать. Наша квартира превратилась в корабль, затерявшийся в океане, чей капитан — Алан — сошел с ума. А я была единственной пассажиркой на этом корабле и напрочь потеряла ощущение реальности. У меня даже не осталось чувства юмора. Что касается наших друзей, которые звонили или без церемоний стучали в дверь, чтобы тут же получить от Алана от ворот поворот, думаю, они и не подозревали о том, что происходит в этих четырех стенах. Допускаю даже, что они решили будто у нас наступил еще один медовый месяц.

Два раза я пыталась убежать от Алана, и оба раза он настигал меня на лестнице. Оба раза, ступенька за ступенькой, он заставлял меня вернуться. Первый раз молча, а второй — цедя сквозь зубы английские ругательства. Нас больше ничто не связывало с миром. Алан разбил радио, затем телевизор, и, если он не перерезал телефонный провод, то лишь из садистского удовольствия видеть, как во мне рождалась слабая надежда на избавление, когда телефон начинал звонить. Не разбирая дня и ночи, когда рыдания подступали к горлу, я глотала снотворное и на четыре часа проваливалась в кошмарный сон. На четыре часа мне удавалось убежать от Алана, который все это время не переставал трясти меня за плечи, звать то громко, то тихо, положив голову мне на грудь, чтобы убедиться, что сердце еще бьется, что его любовь пока не освободилась от него, приняв несколько лишних таблеток нембутала. Лишь один раз я не выдержала. Я увидела в окно открытую машину, в которой сидела молодая пара и весело смеялась. Это зрелище было подобно оплеухе — за что мне такая судьба, навязчиво напоминающая о том, какой я была и какой могла бы стать хотя бы в мечтах, теперь, казалось, тоже навсегда потерянных. Я прорыдала весь день, умоляя Алана уйти или позволить уйти мне. Я просила его заискивающе, словно ребенок: «прошу тебя» «ну пожалуйста», «будь добр». А он все время сидел рядом, гладил по волосам, успокаивал, просил больше не плакать, потому что мои слезы делают ему больно. За эти три часа он вновь обрел свое прежнее лицо, нежное, открытое, лицо человека, на которого можно положиться. Он приободрился и, я уверена, страдал меньше. Что же касалось меня, то не могу сказать, что я страдала. Это было гораздо хуже и одновременно не так серьезно. Я ждала: или Алан уйдет, или убьет меня. О самоубийстве я не думала ни секунды. Кто-то внутри меня — бесчувственный и непреклонный — тот, кто заставлял страдать Алана — ждал. Правда, иногда это ожидание представлялось полной химерой, и тогда отчаяние обволакивало меня: я начинала дрожать, горло сводило судорогой, мышцы каменели, и я была не в состоянии сдвинуться с места.

Однажды после полудня, примерно часа в три, я отправилась в кабинет, чтобы поискать книгу, которую начала читать накануне и которую Алан, естественно, спрятал, потому что терпеть не мог ничего, что отвлекало меня от него или от того, что он называл «мы». Раньше он еще ни разу не отнимал у меня книг, остатки воспитания заставляли его сдерживаться, он по-прежнему пропускал меня вперед в дверь и давал прикуривать, когда я брала сигарету. Но эту книгу он явно спрятал, и я растянулась на полу, чтобы поискать ее под диваном. Я знала, что если он войдет и увидит меня в такой позе, то будет смеяться, но мне было уже решительно наплевать на все.

И вот тогда кто-то позвонил в дверь, позвонил первый раз за последние четыре дня. Я поднялась, прислушиваясь к резкому звуку открываемой Аланом двери. Затем, через минуту до меня донесся спокойный, бесцветный голос мужа. Заинтригованная, я вышла в холл. В

дверях, едва переступив порог, стоял, держа шляпу в руках, Юлиус А. Крам. В недоумении я замерла на месте. Как он нашел меня? Заметив меня, Юлиус А. Крам шагнул мне навстречу. Он сделал это так спокойно и естественно, словно Алан и не стоял прямо перед ним. Алан инстинктивно отступил в сторону. Юлиус протянул мне руку. Я смотрела на него. Мне казалось, что кто-то неправильно распределил роли: я ожидала увидеть полицейских, врачей скорой помощи, сэра Персиваля, мать Алана, кого угодно, но только не его.

— Как вы поживаете? — спросил он. — Я только что говорил вашему мужу, что у нас с вами была назначена на сегодня встреча в чайном салоне Салина и что я взял на себя смелость заехать за вами.

Я ничего не ответила. Я смотрела то на мужа, который онемел от удивления и злости, то на Юлиуса. Тогда Юлиус тоже взглянул на Алана, и вновь я увидела тот взгляд, который поразил меня еще при нашей первой встрече в салоне у Алфернов: жестокий, холодный взгляд хищника. Это была странная сцена: я видела небритого молодого человека перед раскрытой дверью, видела стоящего рядом серьезного мужчину средних лет, одетого в пальто цвета морской волны, и видела саму себя, молодую растрепанную женщину в домашнем халате, которая оперлась о косяк другой двери. И я никак не могла понять, кто же из этих трех персонажей был здесь лишним.

— Моя жена плохо себя чувствует, — неожиданно возразил Алан. — Не может быть и речи, чтобы она отправилась с вами.

Взгляд Юлиуса снова скользнул ко мне. Он был по-прежнему строгим, а фраза, которую он произнес затем, больше напоминала приказ, чем приглашение, таким безапелляционным тоном она была произнесена:

— Я жду ее, чтобы отправиться пить чай. Я буду ждать в гостиной, — добавил он, обращаясь ко мне. — Одевайтесь.

Алан сделал один быстрый шаг в сторону Юлиуса, но в дверях квартиры уже появился четвертый персонаж этого дурацкого водевиля. Появившийся шкаф был шофером Юлиуса. Его одежда была тоже цвета морской волны. В руках он держал перчатки, и у него был такой же отстраненный и бесстрастный вид, который делал их обоих похожими на агентов гестапо. Ну, по крайней мере, такими я их представляла себе.

— Я все хотел спросить у вас, — сказал Юлиус, повернувшись к Алану... — Эта квартира выходит на северо-запад?

И тогда во мне вдруг что-то оборвалось, разбив ощущение неестественности происходившего. Я бросилась к себе в комнату, заперла дверь на ключ, натянула первые попавшиеся брюки, какой-то свитер. Я одевалась так быстро, что слышала как лязгают зубы и стучит сердце. Не тратя времени попусту, я надела босоножки, не выбирая, только убедившись, что они составляют пару. Затем я открыла дверь и бросилась в гостиную, где ждал Юлиус А. Крам. Должно быть, я управилась меньше чем за полторы минуты. Я вспотела и лишь остатки чувства собственного достоинства помешали мне броситься к шоферу, схватить его за руку и прокричать, чтобы он скорее увез меня как можно дальше. Как бы там ни было, я бочком проскользнула по коридору, причем Юлиус по-прежнему находился между мной и Аланом. И прежде чем он закрыл за нами дверь, я увидела Алана, стоявшего против света с опущенными руками и безмолвно отверзтым ртом. В этот миг он и впрямь был похож на сумасшедшего.

У Юлиуса был старый «даймлер», длинный и массивный, как грузовик, и тут я вдруг вспомнила, что все предыдущие дни я видела этот автомобиль у своего дома.

Если верить солнцу, мы ехали на восток. Но я уже не верила даже светилам. Затерявшись в этом огромном автомобиле, как в пустыне, я глупо пыталась определить, где запад и восток, север и юг. Куда там! Я затерялась даже в своем собственном маленьком сердце. А по капоту машины бежали расплывчатые тени, и мы катились по одной из тех безликих автострад, дома вдоль которых столь же безлики и похожи друг на друга, как рекламные щиты. Но вот мы проехали Монтла-Жоли и достигли цели, остановившись у пригородного дома, сильно смахивавшего на крепость. Юлиус молчал. Он даже не взял меня за руку. Да что говорить, ведь это был человек без жестов. Он садился в автомобиль, выходил из него, закуривал сигарету, надевал пальто — и все это без всякого изящества, но и не неуклюже. Никак. А я, которую так очаровывали жесты людей, их манера двигаться или не двигаться, не могла избавиться от ощущения, что сижу рядом с манекеном. Всю дорогу я дрожала. Сначала — от страха, что Алан догонит нас, настигнет на каком-нибудь светофоре, вспрыгнув на капот машины, или сообщит в полицию и судьба в фуражке и со свистком не остановит мое бегство к свободе, пусть призрачной, но свободе. А потом, когда машина выехала на автостраду и набрала скорость, я поняла, что уже никто не помешает нам, и дрожала теперь уже от одиночества.

Я была одна, лишенная привычного, постоянного контакта с Аланом, ставшим для меня чем-то вроде кровосмесительного акта. Я снова была «я, мне, мое», а не «мы». О, каким ужасным стало для нас это «мы». А что же стало с ним — палачом или жертвой, какая разница? Во всяком случае партнером этих дьявольских, губительных и неотразимых регтаймов последних лет. Хотя в глубине души я казалась самой себе одиноким цветком на танцевальной дорожке, а не женщиной, лишившейся мужа. По правде говоря, мы с Аланом много танцевали, в различных темпах и разных ситуациях. Устав до изнеможения, мы все же были в состоянии вместе делить таймауты страсти, и лишь только ревность, с которой он ничего не мог поделать, сделала нашу любовь невозможной. Можно назвать это болезнью, пусть, но теперь он остался один, и некому было составить ему компанию, бросая вязанки воспоминаний, страданий и надежд в тот ужасный или прекрасный костер, что называется любовью. И именно поэтому я мирилась со всем этим так долго, а на автостраде не могла отделаться от ощущения чувства вины. Я была виновата в том, что не могла любить его дольше. Я была виновата в безразличии, и слово это вызывало во мне ужас. Я знала, что именно оно — безразличие — было главным джокером в интимных отношениях, и ненавидела его. Я восхищалась безумством, постоянством, бескорыстием и даже в некотором смысле верностью. Мне понадобилось немало лет, чтобы прийти к ним от беззастенчивости и цинизма. И как бы там ни было, но я прошла эту дорогу, и если бы не моя природная ненависть к несчастьям и страданиям, то я никогда бы не оставила Алана.

Замок Юлиуса А. Крама был в своем роде выдающимся строением. Построенный в форме подковы из массивных каменных блоков, он был снабжен бойницами, подъемными мостами и обставлен мебелью в стиле Людовика XIII. Учитывая огромное состояние Юлиуса, вполне можно было допустить, что эта мебель подлинная. Несколько оленьих голов у входа придавали первому этажу мрачный вид. Каменная лестница с перилами из кованого железа вела на верхние этажи. Как бы уступая современным требованиям моды, дворецкий был одет в белую куртку, хотя я бы нарядила его в камзол. Он стал искать мой чемодан, естественно, не нашел и извинился. Юлиус нервно три-четыре раза спросил дворецкого, все

ли в порядке, и, не дожидаясь ответа, провел меня в гостиную. И чего тут только не было! Кожаные диваны, полки с книгами, шкуры зверей и огромный камин, в котором поспешили разжечь огонь, сразу заигравший веселыми языками пламени. Но если присмотреться, то чего-то все же не хватало — наверное, собаки. Я спросила у Юлиуса, нет ли у него пса, и он ответил, что, конечно, есть и не один. Как и положено, они находились на псарне, и Юлиус обещал мне показать их завтра утром. Сейчас это уже не имело смысла, ибо становилось темно. У него были легавые, терьеры, лабрадоры и другие породы.

Я не могу сказать, что не слушала его, потому что отвечала. Только человек, слушавший и что-то отвечавший ему, не был мной. Мной, в том смысле, в каком я привыкла ощущать себя. Пришел дворецкий и предложил нам выпить. Я набросилась на водку и выпила рюмку одним махом. Юлиус с беспокойством взглянул на меня и заметил, что вот уже тридцать лет, как пьет только томатный сок. Один из его дядьев, да и отец умерли от цирроза печени. Короче, это была семейная болезнь, и Юлиус хотел избежать ее. Я слегка кивнула в ответ, русский эликсир придал мне смелости, и я задала наконец ему вопрос, который не давал мне покоя:

— Как это случилось, что вы приехали ко мне сегодня?

— Когда вы не пришли на свидание — на наше второе свидание, — начал Юлиус, — я очень удивился.

Я поудобнее устроилась на кожаном диване, не понимая, что могло его удивить в моем отказе. Или, может быть, сильные мира сего не привыкли к осечкам.

— Я был очень удивлен, — продолжал Юлиус, — потому что у меня осталось очень живое и теплое воспоминание о нашей с вами встрече в Салине.

Я кивнула головой, в который раз поражаясь тому, какие сюрпризы может преподнести необщительность.

— Видите ли, — продолжал Юлиус, — я никогда не говорю о себе, а в тот раз я признался вам в том, что никто обо мне не знает, ну, естественно, за исключением Генриетты.

Я смотрела на него, ничего не понимая. Что это еще за Генриетта? Может, я сбежала от одного сумасшедшего, чтобы попасть к другому?

— Это та девушка, англичанка, — уточнил Юлиус. — Вся эта история застряла у меня в памяти и в жизни, словно заноза. Так как моя роль в ней была более чем идиотской, я никому не смел рассказать об этом. И вдруг там, в Салине, я прочел в вашем взгляде нечто, что подтолкнуло меня к откровенности. Почему-то я был уверен, что вы не будете смеяться надо мной. Не могу даже передать, как мне стало хорошо. Вы были такой спокойной, доверчивой... Мне очень хотелось увидеть вас еще раз.

Он говорил медленно, но довольно бессвязно.

— Да, но как вы все-таки добрались до меня?

— Я навел справки. Сначала расспросил ваших друзей. Затем отправил секретаря к вашей консьержке и горничной. Ну и так далее... Я долго колебался, прежде чем ворваться в вашу личную жизнь, но потом я пришел к выводу, что это мой долг. Я прекрасно понимал, — добавил он с торжествующим смешком, — что лишь что-то из ряда вон выходящее помешало вам придти сегодня в Салину.

Я словно разделилась: меня раздирали одновременно смех и негодование. Негодование во всех отношениях обоснованное. По какому праву этот незнакомец допрашивал моих друзей, консьержку, горничную? Во имя какого чувства он осмелился утолить свое

любопытство за мой счет? Используя свою силу и деньги. Неужели только из-за того, что я не рассмеялась ему в лицо, когда он рассказывал мне о своей неудавшейся любви к дочери английского полковника? Что-то не верилось. Слишком много людей вилось у его ног, и были среди них те, кто вполне искренне посочувствовал бы этой печальной истории. Он врал мне, но почему? Он ведь должен был знать и чувствовать, что не нравится мне и никогда не понравится. Бывает, что между мужчиной и женщиной с первого же взгляда словно заключается пакт о ненападении или договор, исключающий какие-либо соглашения. И ничего тут не поделать. Бессильно даже тщеславие. Несколько мгновений я ненавидела его, его самоуверенность, его мебель в стиле Людовика XIII. Я ненавидела его всеми силами души. Я молча протянула ему свой стакан, и, укоризненно поцокав языком, — уж не вообразил ли он себе в самом деле, что его фамильный цирроз печени навсегда отвратит меня от алкоголя? — он отправился наполнять его.

Итак: я находилась где-то на востоке Парижа, в поместье в стиле Людовика XIII, в обществе банкира-детектива. У меня не было машины, багажа, цели. Не было и мыслей относительно моего ближайшего, а тем паче далекого будущего. В довершение всего наступал вечер, и становилось темно. В жизни я пережила много всяких ситуаций — комических, экстравагантных и даже зловещих, — но в этот раз я превзошла саму себя. Я поздравила себя с таким редким успехом и мысленно сняла перед собой шляпу, затем отпила немного из стакана. Его содержимое, казалось, было единственным на земле, что доставляло мне радость. Но очень скоро я поняла, что мне не следовало так пренебрегать консервами, потому что голова уже начинала кружиться. А перспектива видеть Юлиуса А. Крама в трех экземплярах нисколько не вдохновляла.

— Вы не могли бы поставить какую-нибудь пластинку?

Теперь настала его очередь прийти в замешательство — не все же мне, — Юлиус встал, открыл один из секретеров эпохи Возрождения. Конечно, он не ожидал такой реакции от женщины, которую только что вырвали из рук садиста. В глубине секретера располагалась стереофоническая аппаратура, по словам хозяина, японского происхождения. Учитывая декорации, я ожидала услышать Вивальди, но комнату заполнил голос Тебальди.

— Вы любите оперу? — спросил Юлиус.

Он сидел на корточках напротив дюжины никелированных ручек и казался от этого выше, чем был на самом деле.

— У меня есть «Тоска», — произнес он все так же торжественно.

Я обратила внимание на странную манеру этого человека всем гордиться. Не только своей аппаратурой, которая действительно была великолепной, но даже и Тебальди. А может быть, я попала на первого богача, научившегося получать реальную радость от своих денег. И если дело обстояло именно так, то это свидетельствовало о его больших душевных силах. Я знала, что богатые люди под извечным и порядком надоевшим предлогом, что деньги подобны обоюдоострому мечу, предпочитают говорить о тех ранах, которые они им наносят. Из-за своего богатства они считают, что люди заискивают перед ними или избегают их общества, но в любом случае завидуют. И что бы они ни приобретали, благодаря своим деньгам, это не доставляло им истинного удовольствия. Когда они были щедры, их не покидало чувство, что их обманывают. А когда они были недоверчивы, то утверждали, что уже не раз имели возможность самым грустным образом убедиться в обоснованности своих выводов. Но тогда, — может быть из-за выпитой водки, — мне казалось, что Юлиус А. Крам горд не столько своими финансовыми успехами, сколько тем, что, благодаря им, может без

каких-либо шумов и шипов слушать безупречный и чистый голос Тебальди, женщины, которой он восхищался. В своей наивности он, наверное, так же гордился ловкостью своих секретарей, благодаря которым, ему удалось избавить очаровательную молодую женщину — то есть меня — от ужасной, по его мнению, судьбы.

— Когда вы собираетесь разводиться?

— А кто вам сказал, что я хочу развестись? — спросила я неприветливо.

— Но вы же не останетесь с этим человеком, — рассудительно произнес Юлиус. — Это же больной человек.

— А кто вам сказал, что я не люблю больных?

Отвечая таким образом, я злилась сама на себя. Раз я последовала так далеко за своим спасителем, то было бы естественно с моей стороны дать ему кое-какие объяснения. Но только мне не хотелось затягивать этот разговор.

— Алан не больной, — сказала я. — Он просто одержим. Он мальчик... мужчина, — быстро поправила я, — который одержим одной страстью — ревностью. К сожалению, я поняла это слишком поздно. Хотя, возможно, в этом есть и моя вина.

— Да? И какая же? — прогнусавил Юлиус.

Он стоял передо мной подбоченясь и своим агрессивным видом очень напоминал адвокатов, которые выступают на громких американских процессах.

— Я не смогла избавить его от этого чувства. Он всегда ревновал меня, сомневаясь даже тогда, когда для этого не было никаких оснований. Наверное, я все время делала что-то не так.

— Просто он боялся, что вы покинете его, — сказал Юлиус. — Так боялся, что это наконец произошло. Логично?

Тебальди исполняла главную арию, и музыка, сопровождавшая ее изумительный голос, вызвала у меня странное желание разбить что-нибудь. И еще мне хотелось плакать. Кажется, мне действительно было необходимо выспаться.

— Вы, наверное, скажете, что это не мое дело... — начал Юлиус.

— Да, — рявкнула я, — это действительно не ваше дело.

Нет, он даже не почувствовал себя уязвленным. Он смотрел на меня с жалостью, словно я совершила бестактный поступок. Он сделал жест рукой, который, по всей вероятности, должен был означать «она сама не знает, что говорит», и окончательно вывел меня этим из себя. Я поднялась и сама налила себе еще водки. Нужно было расставить все точки над «и».

— Господин Крам, я не знаю вас. Мне известно только, что у вас есть деньги, что давным-давно вы чуть было не женились на англичанке, да еще то, что вы любите миндальные пирожные.

Он снова повторил свой жест. На этот раз это был жест здравомыслящего человека, столкнувшегося с безрассудным.

— Я также знаю, что по каким-то мне непонятным причинам вы интересуетесь мной, навели обо мне справки и прибыли вовремя, чтобы вытащить меня из неловкого положения. Я очень благодарна вам за это. Но на этом наши отношения заканчиваются.

Обессиленная, я упала на диван и злобно уставилась на языки пламени, плясавшие в камине. На самом деле меня разбирал смех, потому что в то время как я произносила свою маленькую речь, Юлиус отступил на несколько шагов и стоял теперь между двух оленьих голов, которые совершенно не шли ему.

— Вы очень возбуждены, — заметил он.

— Еще как, — согласилась я. — Да и есть отчего. У вас найдется снотворное?

Он так содрогнулся, что я рассмеялась. По правде говоря, с самого своего приезда я постоянно бросалась в крайности: то плакала, то смеялась, то впадала в прострацию, то в гнев. Устав до кончиков ногтей, я мечтала теперь лишь о хорошей кровати, пусть в готическом стиле, куда я могла бы кинуть свои усталые кости. Мне казалось, что я смогу проспать трое суток.

— Не волнуйтесь, — сказала я Юлиусу. — У меня и в мыслях нет покончить жизнь самоубийством в вашем доме. Да и где бы там ни было вообще. Наверное, ваши секретари уже доложили, эти последние дни были для меня очень тяжелыми и мне совершенно не хочется о них говорить.

При слове «секретари» он поморщился, затем подошел и сел, скрестив ноги напротив меня. Я заметила, что у него очень большие ступни.

— Кроме секретарей, которые очень мне преданы, я говорил с вашими друзьями, которые, в свою очередь, очень преданы вам. И они очень беспокоились за вас.

— Ну теперь вы можете успокоить их, — заметила я иронически. — Теперь я в полной безопасности, по крайней мере на несколько дней.

Мы смотрели друг на друга с вызовом, смысл которого был мне непонятен. Что я тут делала? Что он себе вообразил? Что он хотел знать обо мне и почему? Так же, как в Салине, у меня начали дрожать руки. Мне нужно было как можно скорее лечь спать. Еще пару стаканов, несколько вопросов, и я разрыдалась бы на плече у этого незнакомца, который, может быть, только того и ждал.

— Не будете ли вы любезны показать мне мою комнату, — сказала я поднимаясь.

В сопровождении Юлиуса и дворецкого я вскарабкалась по лестнице и оказалась, как и предполагала, в готической комнате. Я пожелала им спокойной ночи, открыла окно, вдохнула свежего деревенского воздуха и пошла к кровати. Кажется, я уснула прежде, чем голова коснулась подушки.

5

На следующий день я, естественно, проснулась в прекрасном настроении: комната была такой же мрачной, ситуация скандальной, но что-то напевало во мне веселый мотив. Вечно у меня происходило все наоборот, словно я играла на рояле, позабыв о педалях, или нет — не позабыв, а нажимая на них как попало: приглушая симфоническую увертюру своего счастья и усиливая «Лунную сонату» меланхолических настроений. Рассеянная, когда нужно было радоваться, и веселая во времена неудач, я постоянно разочаровывала тех, кто любил меня. Это происходило совершенно бессознательно, просто иногда жизнь в своей простоте казалась мне такой смешной, что кто-то во мне буквально умирал от желания со всей силы хлопнуть крышкой рояля, как это иногда делают на концертах некоторые пианисты. Кто же из нас двоих причинил себе больше вреда? Я или Алан? Только он лежит сейчас, съжившись на диване, прикрыв глаза рукой и не слыша ничего, кроме стука своего сердца. А в пятидесяти километрах от него на роскошной кровати лицом вниз лежала я, лежала и слушала, как кричит птица. Она кричала всю ночь. Но кто же из нас двоих был более одинок? Какими бы тяжелыми ни были любовные муки, разве они страшнее одиночества? Полного одиночества, в котором нет даже эха. Я подумала о Юлиусе и рассмеялась. Если он рассчитывал поймать меня в свои сети и в соответствии с имиджем четкого и организованного делового человека уже отвел мне место на своей шахматной доске, то его

ждут впереди большие разочарования. Веселый мотив все сильнее и сильнее звучал во мне. Я была еще молода, вновь свободна, нравилась мужчинам, а за окном был чудесный день. Нет, было бы глупо позволить кому-нибудь снова поймать меня в свои сети. Сейчас я встану, оденусь, позавтракаю, вернусь в Париж, найду себе какую-нибудь работу и встречу с друзьями, которые обрадуются встрече со мной.

Открылась дверь, и в комнату вошел дворецкий, катя перед собой столик, на котором лежали тосты и полевые цветы. Он сообщил, что господин Крам уехал по делам в Париж, но вернется к завтраку, то есть примерно через час. Таким образом я узнала, что проспала четырнадцать часов. Я натянула старый свитер и новоприобретенный эгоизм, спустилась по лестнице и вышла во двор. Он был пуст. Лишь в окнах дома скользили тени. Царила атмосфера ожидания — все ждали хозяина дома. Да, по всей вероятности, жизнь Юлиуса А. Крама не была очень веселой. Я сходила на псарню, погладила трех собак — они полизали мне руки, — и я решила, вернувшись в Париж, тоже завести пса. Я буду заниматься им, гулять и кормить, и за это он не будет кусать меня за пятки и задавать лишние вопросы. А вообще-то эта ситуация, хотя она и прояснилась, вызывала у меня те же чувства, которые я испытала пятнадцать лет назад при выходе из пансиона. Но на этот раз я была более здоровой. Почему-то всегда кажется, что с переменой жизни, возраста, сменой партнера ты переживаешь все иначе, чем в юности. На самом деле все повторяется. Только каждый раз все те же чувства: жажда любви, жажда быть свободной, инстинкт бегства, инстинкт погони или желание быть любимой кажутся иными. Наверное, это результат издержек памяти и наивных претензий к жизни.

Подойдя к дому, я тут же попала в конвульсивные объятия мадам Дебу. Я была настолько потрясена, что позволила ей поцеловать меня раза три, и, только оправившись, нагло спросила: «Что вы здесь делаете?»

— Юлиус мне все рассказал, — воскликнула судья хороших манер, специалистка по деликатным ситуациям. — Рано утром он позвонил мне и сообщил о вас. Вот я и приехала.

Она взяла меня под руку и повела по гравийной дорожке к дому. По пути она успокаивающе похлопывала меня по ладони. Она была одета в очень элегантный зеленовато-оливкового цвета костюм из замши, который очень неудачно подчеркивал на бледном солнце ее яркий городской макияж.

— Я знаю Юлиуса уже двадцать лет, — сказала она. — Он всегда был чрезвычайно приличен. Он не хотел, чтобы все это выглядело как похищение, какая-нибудь тайна, и позвонил мне.

В стиле «Трех мушкетеров» она была великолепна. Должно быть, приняв мое молчание за благодарность, она продолжала:

— Это несколько не взволновало меня. Я должна была присутствовать на скучнейшем обеде у Лазаров... Мне очень приятно, что я могу оказать маленькую услугу вам обоим. — А где вход в эту лачугу? — добавила она очень громко и весело. Было прохладно, и она, наверное, сильно продрогла в своем зеленовато-оливковом костюме. Словно по мановению волшебной палочки дверь открылась, и появился меланхоличный дворецкий. Он посторонился в дверях, и мы вошли в дом.

— А здесь мрачновато, — заметила она, оглядывая комнату. — Можно подумать, что мы в Корнуэлле.

— Я никогда не была в Корнуэлле.

— Вы никогда не были у Бродерика? Бродерик Гранфильд. Нет? Так вот, там так же,

как здесь: здравствуй, охота. Но там, в глуши, это выглядит более натурально, чем в пятидесяти километрах от Парижа.

Сказав это, она села и осмотрела меня. Она заявила, что я плохо выгляжу, но в этом не было ничего удивительного. Оказывается, она всегда считала Алана очень странным, как, впрочем, и все в Париже. А так как она дружила с моими родителями, то сильно беспокоилась за меня. Я с огромным удивлением внимала этому потоку откровений, ибо даже и не предполагала, что она была знакома с моими родителями. И когда под конец она заявила, что я возвращаюсь вместе с ней в город и что она даст мне на время пристанище у одной из своих невесток, которая сейчас живет в Аргентине, я лишь покорно кивнула головой.

Воистину Юлиус не переставал удивлять меня. Словно фокусник из рукава, он доставал шоферов-горилл, частных детективов, прилежных секретарей, невест-аристократок и даже дуэнья. Да еще какую! Женщину, чьи жестокие поступки — по количеству — могут сравниться с благотворительными. Женщину столь отвратительную, сколь и элегантную. Одним словом, женщину, какую в свете принято считать безупречной. Должно быть, Юлиус А. Крам обладал и впрямь немалым могуществом, если ему удалось заставить ее обратить на меня свое внимание и даже вмешаться. В конце концов я была в ее глазах лишь незнакомкой. Но потом были детство и юность, я уехала в Америку и вернулась оттуда в сопровождении элегантного молодого человека по имени Алан, о котором она знала лишь, что он американец, богатый и немного странный. А то, что Юлиус втюрился в меня, так это не страшно. Она еще посмотрит, что из меня сделать: приживалку или жертву.

Юлиус вернулся, как и обещал. Кажется, ему было приятно застать обеих своих дам, болтающими в уголке у камина. Он тепло поблагодарил мадам Дебу, и таким образом я узнала, что ее зовут Ирен. Затем он с гордостью посмотрел на меня. Его взгляд как бы говорил: «Ну что, я все предусмотрел». Мы говорили обо всем понемногу, то есть ни о чем конкретно, с тем тактом, который так свойственен воспитанным людям, когда они сидят за столом. Странная вещь, но присутствие тарелки, ножа и вилки, а также первой закуски обязывает цивилизованное существо к скромности и сдержанности. Но как только мы вышли из-за стола и перешли в салон, где нас ждал кофе, они тут же принялись обсуждать мое будущее. Итак, мне предстояло, по всей видимости, жить на улице Спонтини в квартире невестки Ирэн, пока адвокат Юлиуса господин Дюпон-Кормей начнет переговоры с Аланом. Но самое главное, в субботу мы должны были отправиться на гала-концерт в Оперу, который организовывала Ассоциация одиноких стариков или что-то в этом роде. Я сидела и слушала, как они говорят обо мне, словно о несмышленном ребенке. Поначалу это забавляло и удивляло, но затем я насторожилась. Неужели я и впрямь такая хрупкая, беззащитная и очаровательная женщина? Неужели я в самом деле нуждаюсь в их покровительстве? Существуют люди, которые находят себе повсюду защитников или родственников. И хотя вскоре эти родственники лишь вызывают раздражение, они не отступают. Их не смущает подобное отношение. А как же иначе, ведь они имеют дело с неблагоприятным ребенком!

Сразу же после кофе мы отправились в Париж. Деревенская крепость и меланхоличный шофер остались позади, а пять часов спустя я уже сидела в маленькой гостиной невестки мадам Дебу и прилежно ждала, когда шофер Юлиуса привезет из дома кое-какие мои вещи (домом я по привычке назвала то ужасное место, ту клетку, ту волчью яму, в которой сидел свирепый и полный ненависти Алан, и куда я ни за что на свете не должна была возвращаться). А в восемь часов, разрушив все планы Юлиуса А. Крама и мадам Дебу,

запланировавших скромный ужин на десять персон в одном из ресторанов на левом берегу Сены, я вышла из дому и, побродив под дождем, нашла пристанище у своих старых друзей Малиграссов, пожилой и очаровательной пары, давно привыкшей к моим неожиданным визитам. Я провела у них очень спокойную ночь и вернулась на улицу Спонтини лишь на следующий день в полдень, чтобы переодеться. Это была моя первая выходка, и ее строго осудили.

6

Несмотря на то, что за завтраком по случаю возвращения блудной дочери царила грозная атмосфера, мне все-таки удалось заставить их, выслушать меня. У меня были собственные планы насчет своего будущего. Я хотела найти себе однокомнатную квартирку и работу, чтобы иметь возможность платить за жилье и зарабатывать себе на хлеб. Мадам Дебу, очарованная моим сопротивлением, также решила присутствовать на завтраке. Она теребила свои кольца и время от времени тяжело вздыхала, в то время как Юлиус изумленно глядел на меня, словно мои скромные претензии являлись в высшей степени абсурдными. Ален Малиграсс, мой старый друг, предложил устроить меня в одну из газет, главного редактора которой он хорошо знал. Газета писала о музыке, живописи и искусстве. Спокойное место, где, конечно, мне не будут много платить, но где я смогу применить свои хилые познания в живописи. Кроме того, он обещал пристроить меня корректором в издательстве, где работал сам. Это должно было улучшить состояние моего бюджета. Мадам Дебу вздыхала все чаще и чаще, но всмотревшись в мое упрямое лицо, она прекрасно поняла, что я могу ускользнуть от них, а главное, от Юлиуса, и решила прибегнуть к дипломатии.

— Боюсь, моя девочка, — возразила она с грустью в голосе, — что вся эта интересная работа не даст вам многого. Я имею в виду финансовую сторону дела. Но с другой стороны, — обратилась она к Юлиусу, — если девочка так хочет быть независимой, — последнее слово было произнесено с непередаваемой интонацией, — то бога ради. Современные молодые женщины буквально одержимы этой идеей: они хотят работать!

— Ну, в моем случае — это скорее необходимость, — отозвалась я.

Она открыла рот, но передумала и закрыла. Но я прекрасно знала, что она хотела сказать мне: «Маленькая глупышка и хитрюга. Ты говоришь так, потому что за твоей спиной стоит Юлиус А. Крам...» Наверное, она бы и сказала все это, если бы не мой взгляд и не слегка испуганное лицо Юлиуса. По этому лицу она поняла, что не все тут так просто.

— Я очень хорошо вас понимаю. Если вы не возражаете, то я сейчас же поручу одной из своих секретарш найти вам квартиру. Таким образом вы можете спокойно заняться поисками работы, сходить в редакцию... А пока все не устроится, я думаю, вы можете воспользоваться гостеприимством Ирен, тем более, что она сама вам его предлагает.

Я молчала. Юлиус натянуто хихикнул.

— Уверю вас, это не продлится долго, моя секретарша решает проблемы исключительно быстро.

Я попала в эту ловушку и кивнула.

И действительно Юлиус меня не обманул: его секретарша быстро обдělывала дела. На следующий же день она пригласила меня посмотреть одну однокомнатную квартиру на улице Бургонь. Квартира имела выходящий во двор холл, а цена ее была смехотворно низка. Секретарша, высокая блондинка в очках, имела очень решительный вид. Когда я поздравила ее с такой удачной находкой, она лишь ответила бесцветным голосом, что в этом

заканчиваются ее обязанности. А во второй половине того же дня я посетила рабочий кабинет Дюкре, главного редактора газеты. Я даже и не подозревала, что Ален Малиграсс имел такой вес в Париже. Я была очень удивлена и обрадована, когда задав несколько вопросов и объяснив мои прямые обязанности, Дюкре тут же зачислил меня в штат с очень приличным жалованием. Я сразу же побежала поблагодарить Алена Малиграсса. Последний был очень удивлен, но в то же время и очень рад за меня. Воистину мне везло. В тот же вечер я покинула квартиру на улице Спонтини. Опираясь на подоконник, я стояла и смотрела на двор, слушая симфонию Малера, льющуюся волнами из приемника, который мне всучила хозяйка. Неожиданно я почувствовала себя независимой, практичной и совершенно свободной. Теперь я могу лишь сказать, что будучи всегда очень наивной, я так и не изменилась с годами.

В порыве хорошего настроения я позвонила Алану. Его голос звучал в трубке спокойно и тихо. Это очень удивило меня. Я предложила ему встретиться завтра в одиннадцать часов. Он ответил: «Да, конечно, я буду ждать тебя дома». Я решительно отказалась. Теперь я ощущала себя одной из тех женщин, ловких, решительных и хладнокровных, которые чудесным образом лишены нервов и со знанием дела составляют счастье своих мужей, детей, патронов и консьержек. Короче, я видела себя героиней пресловутых женских еженедельников. Очевидно, этот волнующий образ придал решительности моему голосу, и Алан сдался, согласившись встретиться со мной в стареньком кафе на авеню Турвиль.

Я проснулась с тем же чувством силы и воли и сразу же отправилась на свидание. У меня было ощущение, что для меня начинается новая жизнь. Алан уже ждал меня, сидя перед чашкой кофе. Когда я подошла, он отодвинул стул, встал и самым естественным образом помог мне снять пальто. Неужели все пройдет хорошо? Неужели эти жуткие три недели приснились мне в кошмарном сне? А три года были наваждением? Может быть, этот сидящий передо мной молодой человек, учтивый и вежливый, наконец, поймет меня.

— Алан, — начала я. — Я подумала и решила пожить немного одной. Я нашла себе однокомнатную квартиру, работу... Думаю, так будет лучше... для тебя и для меня.

Он вежливо кивнул головой. Какой-то он был в то утро сонный.

— Что за работа? — спросил он.

— В газете. Буду писать об искусстве. Главный редактор газеты — друг Алена Малиграсса. Знаешь, Ален был столь любезен, что помог мне.

Какая удача, что человеком, который помог мне, оказался Ален. Он был слишком стар, чтобы ревновать меня к нему.

— Очень хорошо, — сказал он. — Ты неплохо выкрутилась... или давно готовилась?

— Просто повезло, — ответила я легкомысленно. — Причем два раза: с квартирой и с работой.

Его вид становился все более и более сонным. Казалось, что он уже согласен на все.

— Квартира большая?

— Нет, — ответила я. — Одна комната и небольшая гостиная. По там очень спокойно.

— А наша квартира? Что мне с ней делать?

— Это зависит от тебя. От того, остаешься ли ты в Париже или уедешь в Америку.

— А как ты хочешь, чтобы я поступил?

Я ерзала на стуле, не зная, что ответить. Я ожидала увидеть Отелло, а встретила Мальчика-с-Пальчик.

— Тебе решать, — отозвалась я с опаской. — В любом случае твоя мать давно

соскучилась.

Он рассмеялся тем веселым, молодым смехом, которому я так долго и беззаветно верила.

— Моя мать играет на бирже или в бридж, — сказал он. — И что я скажу ей, когда вернусь один?

Я подалась вперед и положила руку ему на рукав.

— Скажешь ей, что у нас не сложилось. Потом ты вообще не обязан тут же сообщать ей о разводе.

— А должен ли я так же сообщить ей, — голос Алана перестал быть сонным, теперь он уже стал свистящим и резким, — сообщить ей, что отвратительный и богатенький старикашка увел у меня жену? Один бог знает, Жозе, каких любовников ты себе выбирала, но по крайней мере, насколько я знаю, они были молоды и красивы. Я еще никогда не видел ничего более отвратительного, чем твое бегство с этим невероятным стариком и его гориллой-шофером. И давно ты стала его любовницей?

Так, все начиналось заново. Но я должна была быть готова к этому, ведь это повторялось каждый раз.

— Но это же не так, — сказала я. — И ты прекрасно знаешь, что это не так.

— Тогда с помощью какого чуда ты нашла себе работу, ты, которая не умеет ничего делать? И квартиру? Ведь ты никогда в жизни не могла решить ни одной проблемы! Ты убегаешь без единого франка в кармане и через пару дней возникаешь в моей жизни этакой победительницей. У тебя уже есть квартира и работа. И ты еще хочешь, чтобы я тебе поверил? Ты что, издеваешься надо мной?

В самом начале встречи, рядом, у стойки, какой-то человек спокойно пил пиво. Теперь он отшатнулся и поторопился отойти подальше от нашего столика. Он удрал к дальнему концу стойки и во все глаза смотрел оттуда на нас. Официант тоже повернулся к нашему столику. И тогда я поняла, что Алан говорит слишком громко. Я уже настолько привыкла к взрывам его голоса, впрочем, как и к его прерывистому шепоту, что уже не замечала, когда он переходил грань. Он бросил на меня злобный взгляд. Ненависть переполняла его. Ну вот мы и приехали. И тут же все планы, которые я лелеяла, новая жизнь, показались мне смехотворными и абсолютно фальшивыми. Словно все мне досталось даром. А истинным было лишь лицо сидящего передо мной человека: униженное, полное отчаяния и страдания лицо, которое долгое время было для меня воплощением самой любви.

— Я найду тебя, — сказал Алан. — Я никогда не оставлю тебя, и ты никогда не освободишься от меня. Ты не будешь знать, ни где я, ни что я делаю, но я все равно ворвусь в твою жизнь, когда ты уже решишь, что я позабыл о тебе. Я ворвусь и все сломаю.

У меня было такое впечатление, что он произносит заклятие. Я испугалась, а потом что-то во мне проснулось. Я снова увидела стены кафе, головы клиентов, холодный блеск голубого неба. Я схватила пальто и побежала. В первый момент я никак не могла вспомнить, где живу. И вообще, кто я такая и что должна делать. У меня было лишь одно желание: бежать как можно быстрее и дальше от этого страшного кафе. Я поймала такси и попросила отвезти меня на площадь Этуаль. Когда мы переехали Сену, я пришла в себя, и, сделав круг, мы прибыли на улицу Бургонь.

Полчаса я лежала на кровати, прислушиваясь к ударам своего сердца и бездумно разглядывая цветы на обоях. Затем я сняла трубку и позвонила Юлиусу. Он заехал за мной, и мы отправились завтракать в тихий ресторанчик, где за столом он поведал мне о своих

делах. Они совсем не интересовали меня, но мне стало намного лучше. Впервые я обратилась к Юлиусу и сделала это совершенно машинально.

7

Два месяца спустя я ужинала в фойе Оперы. Мы смотрели выступление русской балетной труппы. Я сидела, удобно устроившись между Юлиусом и Дидье Дале, слушая вокруг себя веселый щебет парижских балетоманов. Мы уже принялись за десерт. За время ужина к позорному столбу были прикованы один писатель, два художника и четыре или пять частных лиц.

Дидье Дале, который сидел рядом со мной, слушал и молчал. Он терпеть не мог эти экзекуции, за что я его и любила. Это был высокий и уже немолодой мальчик, очаровательный, но уже очень давно пристрастившийся к слишком молодым, слишком крутым и слишком красивым мужчинам. Никто никогда их не видел, и вовсе не потому, что он их прятал, а потому что в силу своих увлечений его влекло к самой настоящей шпане, разгильдяям, которые, конечно, скучали бы на светских обедах. Но среда обитания и профессия обязывали его самого присутствовать на них. Однако если не брать в расчет эти неистовые и печальные приключения, то его настоящий дом был здесь, среди этих черствых людей, которые слегка презирали его, но не за мораль, а за те страдания, которые приносила ему эта мораль. Если удача не покидает тебя, то в Париже можно стать кем угодно. Бальзак не раз говорил это, размышляла я, разглядывая покорный профиль Дидье. Он стал моим другом случайно. Первое время эти люди не знали, куда определить меня, а покровительство Юлиуса и мадам Дебу выглядело в их глазах столь неопределенным, что они сажали меня в конец стола, то есть рядом с Дидье. И мы довольно быстро обнаружили, что восхищаемся одними и теми же книгами, а позднее поняли, что оба больше всего любим смех и веселье. Поначалу это сделало нас сообщниками, а затем и друзьями.

Моя новая жизнь нравилась мне все больше и больше. Газета, несмотря на маленький тираж, весело процветала. Главный редактор проявил интерес к моим статьям, и теперь я летала с одного вернисажа на другой, от одного художника к другому. Я то нервничала, то была полна энтузиазма. Я купалась в этом потоке параноической, мазохистской, часто страстной болтовни тех, кого принято называть фанатиками живописи. А вообще-то для человека, совершенно не привыкшего считать, я выкручивалась очень даже неплохо. Удивляла меня и хозяйка, мадам Дюпэн. Несмотря на алчное выражение лица, она вела себя словно ангел. Ее горничная относилась в стирку мои простыни, сдавала вещи в химчистку и даже делала для меня кое-какие покупки. И все за ту жалкую сумму, что я платила за квартиру. Эта квартира стоила в три раза дороже того, что я платила. Это обстоятельство особенно удивляло меня, когда я смотрела на ее руки и рот хищницы. А вот проблема нарядов была решена или почти решена с помощью мадам Дебу. Она близко знала директора магазина, где выдавали вещи на прокат. Я могла заявиться в этот магазин в любое время и выбрать себе на вечер подходящее платье. Это было выгодно, потому что не сказывалось на моем кошельке. Директор уверял меня, что прокат служит ему прекрасной рекламой, но честно говоря, я не очень понимала, каким образом. Я не могла приписать столь волшебные действия тому, что постоянно сопровождала Юлиуса А. Крама. Ведь ни одна газета ни разу не сообщила ни о нем, ни о его состоянии.

Каждый второй день, то есть вечер, я проводила с Юлиусом А. Крамом и его веселой компанией. В остальные вечера я навещала своих старых друзей или сидела дома,

погрузившись в изучение искусствоведческой литературы. Мысль о том, что однажды я смогу помочь какому-нибудь художнику или открыть новый талант, уже не казалась мне такой смешной и невероятной. А пока я писала ничего не значащие статейки, скорее хвалебного характера, не столько о хороших художниках, сколько о симпатичных людях. Иногда случалось, что кто-нибудь говорил мне, что читал эти статьи, и тогда я испытывала что-то вроде гордости. Хотя нет, это была не гордость, а легкая радость. Она охватывала меня каждый раз, когда я думала о том, что такое бесполезное существо, как я, может быть кому-нибудь полезно. Нет, я вовсе не собиралась оправдываться перед собой. Те беспечные годы, что я провела на пляжах в компании Алана вовсе не вызывали у меня угрызений совести — ведь я любила его. И нужно было, чтобы я перестала любить его, чтобы он почувствовал это. Тогда-то моя жизнь и превратилась в ту нескончаемую драму, которой я так стыдилась. Но в любом случае конец нашей истории был слишком жестоким и грубым. Теперь я даже представить себе не могла, что снова смогу обрести счастье с другим мужчиной. А моя новая неопределенная работа придала жизни иную окраску. Обо всем этом, в порыве откровенности, я говорила Юлиусу. Он одобрял меня. Он ничего не понимал в современном искусстве, не интересовался им и признавался в этом без гордости, но и без стыда. После целого дня, проведенного в беготне и словесных баталиях, разговаривая с ним, я отдыхала. За последние два месяца Юлиус вел себя так, что больше и больше завоевывал мое доверие. Он всегда оказывался рядом, когда мне нужно было поговорить с кем-нибудь. Вечерами он сопровождал меня, но ни разу не дал повода заподозрить между нами близость. Я по-прежнему не понимала его, но это обстоятельство не помешало мне считать его исключительно порядочным человеком. Правда, время от времени я ловила на себе его вопрошающий, настойчивый взгляд, но предпочитала не анализировать его и отворачивалась. Я жила одна. Алан был где-то рядом, совсем близко, хотя и уехал в Америку. И если три ночи подряд я и приводила к себе одного молодого критика, то это действительно было случайностью. Просто в эти ночи мне было страшно оставаться одной. Когда столько лет живешь с человеком, спишь рядом с ним, то нет ничего удивительного в том, что расставшись, просыпаешься по ночам в ужасе от того, что не слышишь мужского дыхания.

А в тот вечер, как уже говорилось, я сидела между моим покровителем-финансистом и новым несчастным другом. Я спокойно наблюдала, как веселится народ, когда разразился скандал. Виновником его был один очень красивый и очень пьяный молодой человек. Он начал задирать Дидье, а тот, слегка разомлев, как впрочем и я, не сразу понял, что обращаются к нему.

— Дидье, Дидье, — кричал молодой человек. — Меня просили передать вам привет. От вашего друга Ксавье. Я его встретил вчера в таком месте, которое я вообще-то не имею привычки посещать. Мы много говорили о вас.

Я знала, кто такой Ксавье, хотя и не была с ним знакома. И прекрасно понимала, кем он был для Дидье. Мой друг побледнел, но промолчал. Тишина нависла над нашим углом стола, а молодой человек, окончательно обнаглев, продолжал пуще прежнего:

— Вы что не поняли, о ком я говорю? О Ксавье!

Дидье все молчал, словно эти резкие «Кс» были гвоздями, которые вбивали ему в руки или память. И я была уверена, что в этот момент Дидье вовсе не заботился о том, что подумают о нем люди, сидевшие рядом за столом. Он мучительно спрашивал себя, что о нем наговорил Ксавье этому наглецу и насколько безжалостно они насмеялись над ним. Он

кивнул два или три раза. На губах застыла жалкая, но доброжелательная улыбка. Но этого было недостаточно. Теперь уже все смотрели на него, а молодой красавец сделал вид, что неправильно понял Дидье, приняв его кивок за отрицание.

— Как, господин Дидье, имя Ксавье вам ничего не говорит? Молодой брюнет с голубыми глазами. В общем, красивый парень, — добавил он со смехом, словно извиняясь перед окружающими за Дидье.

— Я знаю одного Ксавье... — начал было Дидье угасшим голосом, а затем резко замолчал.

Мадам Дебу, которая сидела рядом со скандалистом и не одернула его то ли по рассеянности, то ли нарочно, наконец решила прекратить свару.

— Вы слишком громко кричите, — попеняла она соседу.

Но последний был из новеньких и еще не знал, что предупреждение в устах мадам Дебу означало приказ. В данном случае приказ замолчать.

— Так вы все-таки знакомы с Ксавье? Ну, слава богу.

Он улыбался, довольный самим собой. Кто-то глупо хихикнул, скорее всего от неловкости, но этот смешок подхватили, и он сделал круг, добравшись до нашего угла стола. Восемь испуганных и вместе с тем довольных лиц было повернуто в сторону Дидье. Я видела его очень длинную и белую ладонь, судорожно цеплявшиеся за скатерть пальцы. Но движения эти хоть и судорожные, были вместе с тем слабыми и робкими. Он вовсе не собирался сорвать в порыве бешенства эту скатерть, а как бы наоборот, мечтал спрятаться под нее.

— Я очень хорошо знаю Ксавье, — сказала я громко. — Это мой хороший друг.

Все изумленно взглянули на меня. Может, я и была любовницей Юлиуса и протее мадам Дебу, но как бы там ни было, все привыкли к тому, что я та женщина, которая обычно отмалчивается. Поначалу растерявшись, наш противник быстро пришел в себя и, возбудившись еще сильнее, перешел все границы.

— И ваш друг тоже? Смотри-ка! Сердечный друг, не так ли?

В следующую же секунду Юлиус уже стоял позади меня. Он не сказал ни слова. Он лишь бросил на молодого человека один из тех взглядов, от которых люди обычно испытывают беспокойство и неловкость. Этот взгляд мне уже был хорошо знаком. Еще через секунду мы направлялись к выходу. Я едва успела схватить Дидье за руку, и вот мы уже стояли в холле Опера. Там мы снова превратились в людей света. Мы взяли в гардеробе пальто и стали спускаться, когда на лестнице нас догнал один их холуев мадам Дебу.

— Вы должны вернуться. То, что произошло — просто нелепо. Ирен в бешенстве.

— Я тоже, — сказал Юлиус, застегивая пальто. — Мадам и господин Дидье были моими гостями на сегодняшнем вечере.

А когда мы вышли и глотнули свежего воздуха, я расхохоталась, прыгнула на шею Юлиусу и поцеловала его. Он был в ту минуту очарователен на морозе, в своем коротеньком пальто цвета морской волны. Его двадцать волосинок встали на голове дыбом то ли от ветра, то ли от злости. Нет, он был просто неотразим. Дидье приблизился ко мне и прижался к бедру, как это обычно делают собаки, которых непонятно за что наказали.

— Как здорово, что мы ушли оттуда, — сказала я быстро. — Я уже была больше не в состоянии высидеть ни минуты. Юлиус, благодаря вашей заботе о моем счастье (я сделала ударение на слове «моем») мы выиграли два часа. Здорово, мы отпразднуем это в Харрис-баре.

Мы отправились пешком на улицу Дону и с полчаса поболтали о том о сем, пока Дидье не пришел в себя. Наверное, в то же время за одним из столиков в Опера творилась жуткая суматоха. Не скоро мадам Дебу простит мне эту выходку. Редко кто осмеливался покинуть стол раньше нее. Словно «миледи», она, наверное, уже составила план своей мести, и если бы не то безразличие, которое я испытывала по отношению к ее подручным, то вряд ли мне удалось бы спокойно уснуть в ту ночь. Если не считать чувства признательности, которое я испытывала к Юлиусу, у меня не было больше причин присутствовать на этих ужинах. Кроме, правда, одной: я не знала чем занять вечера. Постоянно находясь рядом с Аланом, я отвыкла от одиночества. К тому же Алан сделал все, чтобы отдалить меня от парижских друзей. Теперь я понимала, что это ему удалось. Может быть, на первый взгляд мы и составляли очаровательную пару, но терпели нас с трудом. Очевидно, из-за той нервности, которая словно электрический разряд била окружающих нас людей. Мои друзья тоже изменились за эти три года. У них появились другие заботы. Их интересовали дела и деньги, и в глазах такого привилегированного человека, как я, они превратились в мелких или крупных мещан. Они перешли барьер зрелости без меня, а я вернулась к ним все тем же подростком, сбежавшим от другого беспечного и богатого подростка по имени Алан. Наверное, сами того не зная, мы с Аланом сильно их раздражали. Словно герои, сошедшие со страниц Фитцджеральда, мы не имели ничего общего с тем точным, материальным и жестоким миром, в котором они вынуждены были жить и барахтаться. Работа, семья, замкнутый круг забот. Были, конечно, и те, кто опоздал на поезд: веселые алкоголики или люди, покоровшиеся судьбе, как Малиграссы (правда, Малиграссы уже были стары для борьбы). Да встречались еще одинокие отшельники, измученные ностальгией, но с ними обычно никто и не желал встречаться. Вот почему великолепный и ничтожный, очень жестокий круг мадам Дебу развлекал меня. По крайней мере, эти не позабыли своих амбиций. Они всегда были одни и те же. Им не надо было переодеваться.

8

На следующий день Дидье позвонил мне в редакцию, пробормотал что-то по поводу вчерашнего инцидента и пригласил в бар на улице Монталамбар, где него была привычка бывать. Он хотел познакомить меня с одним очень дорогим ему человеком. Я тут же подумала о Ксавье и почувствовала себя неловко. Я даже собралась было отказаться, потому что терпеть не могу вмешиваться в личные дела друзей, но потом подумала, что раз он хочет этой встречи, значит, по той или иной причине, она ему необходима, и согласилась.

Я пришла в бар немного раньше назначенного времени, устроилась в уголке и, подождав немного, попросила официанта принести мне газету. Тогда мужчина, сидевший за соседним столиком, повернулся и, вежливо проговорив «если вы позволите», протянул мне свою. Беря газету, я улыбнулась незнакомцу. У него было спокойное лицо, карие глаза, жесткий рот и большие руки. Что-то во всем его облике говорило о сдерживаемой внутренней силе и легкой разочарованности в жизни. Он тоже посмотрел на меня, посмотрел прямо в глаза. И когда он заметил, что в этом номере совершенно нечего читать, я тут же поверила ему на слово.

— Вы любите ждать? — спросил он.

— Смотря кого, — ответила я. — В данном случае речь идет об одном из моих добрых друзей. Так что меня это не очень беспокоит.

— Может, поболтаем, пока вы ждете?

К своему великому удивлению — ведь я не любительница подобных знакомств, — через пять минут мы уже весело болтали о политике и кино. Я нисколько не чувствовала себя скованной. У него была какая-то очень спокойная манера предлагать сигарету, давать прикурить, подзывать официанта. Она была тем приятнее, что в последние дни меня окружали в основном люди нервные и истеричные. Глядя на него, я почему-то подумала о деревенской жизни. В этот самый момент в бар вошел Дидье. Увидев нас, болтающих и смеющихся, он в изумлении застыл на месте.

— Извините за опоздание. А вы что, знакомы?

О небо, подумала я, неужели это Ксавье? Я никак не могла понять, что общего между этим человеком и тем крутым малым, о котором рассказывал мне Дидье.

— Мы только что встретились, — сказал незнакомец.

И тогда Дидье представил нас.

— Жозе, это мой брат Луи. Луи, это мой друг Жозе Аш, о которой я говорил тебе.

— А, — сказал Луи.

Он откинулся на спинку кресла и вновь посмотрел на меня, но на этот раз, кажется, с гораздо меньшей симпатией. Это выглядело совершенно абсурдным, потому что и невооруженным глазом было видно, что братья любят друг друга. Теперь я даже узнавала в Луи некоторые черты Дидье, только они были глубже и спокойнее. Наверное, он похож на того, кем когда-то хотел стать Дидье, — подумалось мне.

— Так вы друг Юлиуса А. Крама и мадам Дебу, — сказал он. — Вы работаете в газете, которая, кажется, называется «Зеркало искусства».

— От вас ничего не скроешь...

— Я ему много рассказывал о вас, — объяснил Дидье. — И о том, как мы с вами покатывались от смеха на некоторых обедах.

— Это делает вам честь, — заметил Луи с иронией. — Мои поздравления. Дидье с успехом заменил меня в этом мире, где один из нас должен обязательно присутствовать. Что касается меня, то я всегда терпеть не мог подобную публику. А как это удастся вам?

— Я их знаю не так давно, — ответила я запнувшись. — Так получилось, что мадам Дебу и Юлиус А. Крам недавно оказали мне одну услугу, и я...

Короче, я мялась-мялась и в конце концов запуталась. Я извинялась, снова запинаясь... И это очень меня раздражало.

— Могу себе представить, какого рода услуги могут оказывать подобные люди, — бросил он. — Я не люблю пользоваться их помощью.

— Вы свободны — делаете что хотите.

— Я — да, — согласился он.

К своему великому удивлению, я почувствовала, что краснею. Я увидела себя такой, какой меня представляли люди: женщиной на содержании богатого друга. И все потому, что Юлиус был богат. Отражение самой себя, которое я невозмутимо наблюдала в течение двух месяцев в глазах окружающих меня людей, теперь, в глазах этого мужчины, показалось невыносимым. Но не могу же я в самом деле вот так заявить ему: «Знаете, Юлиус А. Крам всего лишь мой друг. Я сама зарабатываю себе на хлеб и веду респектабельный образ жизни». Но, раз уж я не любила нападать, то, увы, не любила и защищаться.

— Знаете, — сказала я. — В наше время женщине трудно жить в ногу со временем. Муж бросил меня без копейки денег, и я была очень рада, что в такой тяжелый момент могу опереться на надежного человека, каким является Юлиус А. Крам.

И я улыбнулась им всепонимающей, заговорщицкой и отталкивающей улыбкой.

— Примите мои поздравления, — отозвался Луи. — Пью за ваше незаурядное душевное здоровье.

— Да что вы такое говорите! — воскликнул Дидье.

Он совершенно не понимал, что происходит. Как он, должно быть, радовался этой встрече: любимый брат и со вчерашнего дня лучшая подруга... И все провалилось. Причем с треском. Мне было бы в тысячу раз приятнее встретиться с его Ксавье, чем с этим недоброжелательным незнакомцем.

— Я должна идти, — извинилась я. — Сегодня мы идем в театр, а Юлиус терпеть не может опаздывать.

Я встала, пожала руку одному брату, поцеловала в щеку другого и вышла с чувством собственного достоинства. Я шла домой пешком и пребывала во власти беспричинной злобы. Это злоба настолько ослепила меня, что три раза я чуть было не попала под автомобиль. В это время дня машины носились по городу так, словно с цепи сорвались. Я понемножку начала ненавидеть этот город, его низкое небо, слепые машины и вечно торопившихся прохожих. Я начала ненавидеть всех тех, кто окружал меня эти последние два месяца и до сегодняшнего дня лишь слегка раздражал меня. А теперь я даже немного побаивалась этих людей. Если бы Алан был в Париже, я бы, конечно, пошла к нему в этот вечер. Просто я хотела прочесть, пусть даже в глазах ревнивца, уверенность в своей честности и неподкупности.

Лишь один человек в этой ситуации мог спасти меня. К сожалению, этот человек был причиной сегодняшнего скандала. Это был Юлиус А. Крам. Страдал ли он тоже, видя, как люди принимают нас за любовников, и прекрасно зная, что это не так и никогда не будет так? А действительно ли он думал, что мы никогда не будем близки? Быть может, вся сегодняшняя ситуация была с его стороны хорошо рассчитанным риском? Может быть, все было основано на надежде, что со временем в силу ложного положения, в котором я находилась, и, уступив привычке и усталости, я, наконец, отдамся ему? Может быть, он считал, что таковы условия договора, который мы молча заключили друг с другом? В конце концов, если я и допускала между нами близости, то почему так же должен был считать и он. В таком случае я вела себя не очень-то порядочно. Тут я запаниковала. Но тут кто-то во мне, кто-то, очень боявшийся новых осложнений и забот, прошептал: «Ну и что же? Юлиус прекрасно знает, что между вами ничего нет. Ни разу, ни жестом, ни словом ты не давала ему повода думать иначе. И ты вовсе не должна ставить под сомнения простые дружеские отношения из-за того, что какой-то ханжа косо посмотрел на тебя в баре». Только дело в том, что уж больно хорошо я знала этот голос. Он принадлежал тому, кто уже сто раз говорил мне: «Не будем усложнять. Подождем, а там видно будет». И каждый раз я имела возможность убедиться, к каким неприятным последствиям приводил меня этот вкрадчивый шепот. Выжидательная политика еще никогда не приводила ни к чему хорошему. Нет, действительно надо было поговорить с Юлиусом и расставить все точки над «и». Пусть я буду выглядеть смешной, зато это упростит наши отношения в будущем.

Я добралась до дому, вконец измученная своей собственной совестью. Когда я открывала дверь, зазвонил телефон. Ну, конечно, это был Дидье. И не просто Дидье, а очень расстроенный Дидье. «Жозе, что произошло? Вы были совсем не похожи на себя. Я так надеялся, что Луи понравится вам, а он вдруг решил сыграть роль пещерного человека».

— Ничего страшного, — ответила я.

— Жозе, я знаю, что вы не собирались сегодня в театр. Вы сами сказали, что свободны сегодня. Вы не откажетесь пообедать со мной. Луи уже уехал, — поспешно добавил он.

Он действительно был очень расстроен. Как бы там ни было, но лучше было пообедать в его компании, чем сидеть в одиночестве, изображая из себя героиню светских фельетонов. А кроме того, я могла заодно и спросить его, что он обо всем этом думает. Правда, не люблю откровенничать, но, с другой стороны, я так давно не говорила с кем-нибудь о себе. Я попросила его заехать за мной через час. Он пришел, повосхищался моей квартирой, и мы посидели минут двадцать, беспечно разговаривая о том о сем. Я даже налила нам немного виски, а затем решительно сказала: «А теперь поехали».

Он рассмеялся очень мило, совсем по-детски. А глаза его были полны нежности. В этот момент я еще раз пожалела, что судьба отвратила его от женщин. Он был очень хрупким, тактичным и нежным. И он был моим другом. Теперь нам предстояло с ним прояснить два инцидента. Он начал со второго, безусловно менее болезненного для него. Так я узнала, что его брат, пуританин и ханжа, вовсе таковым не был. Он всегда испытывал ужас перед своей семьей и знакомыми из их круга. Он сбежал в Солонь, где жил в заброшенном доме и работал ветеринаром. И тогда я вспомнила, как во время нашего разговора от него повеяло спокойствием деревенской жизни. Я представила его большие руки на крупе лошади. Романтические мечты нахлынули на меня, но я быстро отбросила их, вспомнив, что он принял меня за содержанку. Тогда я спросила Дидье, считает ли он меня женщиной подобного сорта. Я спросила его прямо, без обиняков, так что он даже подскочил на стуле.

— Содержанкой?! — повторил он. — Содержанкой? — да вовсе нет.

— А что вы думаете о моих отношениях с Юлиусом? И что думают другие?

— Я думал, что вам плевать на их мнение, — пробормотал он.

— Ваш брат вывел меня из себя.

Не зная, куда деваться от неловкости, он потер руки.

— Что касается меня, то я знаю, что вы не любовница Юлиуса и не собираетесь ею становиться. Но люди думают по-другому. У них не хватает фантазии представить себе, что вы ведете их образ жизни и в то же время работаете ради денег в маленькой газете.

— Но между тем, — сказала я, — в Париже очень легко устроиться таким образом.

— Безусловно, — согласился он, словно сожалея. — Но они считают, что вы устроились иначе.

— А Юлиус, — спросила я. — Как вы думаете, Юлиус ждет от меня чего-то другого?

Он резко поднял голову и посмотрел на меня с искренним изумлением.

— Еще бы! — ответил он. — Юлиус просто вбил себе в голову завладеть вами тем или иным способом. А он не из тех, кто останавливается на полпути.

— Вы думаете, он любит меня?

В моем голосе было столько сомнений, что он рассмеялся.

— Не знаю, любит ли он вас, но расставаться с вами он не желает. Таких собственников, как Юлиус, трудно себе представить.

Я шумно вздохнула и одним махом допила свое виски. Почему так получается, что мне всегда приходится играть роль жертвы, за которой охотятся. Нет, с меня хватит. Завтра же я начистоту поговорю с Юлиусом.

Я поставила Дидье в известность о своем решении. В ответ он поднял глаза к потолку и возразил, что это ни к чему не приведет. Мне не удастся вытянуть из Юлиуса ни единого слова. «Объяснения, — добавил он, — никогда ни к чему не приводят». Он знал это на своем

опыте. И тут мы заговорили о Ксавье. В тот день я много узнала о том, насколько изощренно жестоким может быть один мужчина по отношению к другому. Большинству женщин тут было бы чему поучиться. Я слушала, и кровь стыла в жилах, когда я представляла себе ночные бары, эти джунгли, где люди предпочитали честной ссоре удары ниже пояса. Каждое имя в его рассказе звучало как угроза, ожидание как пытка, а согласие как унижение. Он употреблял в своем рассказе очень мягкие и скромные слова. Но странное дело, это не ослабляло, а наоборот усугубляло остроту его страшного повествования, Я даже подумала, что у Дидье, кажется, был такой же вкус к несчастью, как у Алана. Страдание было заключено в нем самом, а не в предмете его любви, как, впрочем, и наслаждение. Теперь я поняла, что кого бы он ни любил, мужчину или женщину, он все равно был бы несчастлив. Он ушел поздно, казалось, облегчив свою душу и успокоившись, а я уснула со стыдливым чувством обретенного душевного равновесия. Что бы там ни произошло в моей жизни, я никогда не полюблю страдания. Что бы ни случилось, но однажды обязательно наступит утро, когда я проснусь, напевая веселую песенку.

9

К сожалению, события следующего дня разворачивались не под веселый мотив моей любимой песенки, а в ритме неуверенного вальса. Привыкнув, как я уже говорила, не вмешиваться в ход жизни, я всегда опасалась решительных действий, а в этом конкретном случае тем более. Решение, принятое вечером, было в сто раз хуже для меня, чем решение, принятое, днем. Наверное, это было чистой воды предубеждение, так как ночные решения ничуть не губительнее дневных. В общем, ночь, как и утро, не разрешила моих сомнений, и на следующий день я ходила вокруг телефона, уговаривая себя в необходимости объясниться с Юлиусом. Лишь к пяти часам, вконец измучив себя, я позвонила Юлиусу и без обиняков заявила ему, что мне необходимо встретиться с ним и поговорить наедине. Он ответил, что через час придет за мной машину. В шесть часов я села в его «даймлер», который, к моему несчастью, повез меня в Салину. Казалось, что это местечко имело для Юлиуса важное стратегическое значение. Он сидел за тем же столиком, что и три месяца назад. Он даже успел мне заказать ромовую бабу. Наверное, если бы я позволила, он всегда заказывал бы мне во всех ресторанах грейпфрут и антрекот. И все по той простой причине, что я заказала их во время нашего первого свидания в ресторане. Я села напротив него и сначала хотела поговорить о том о сем, но потом вспомнила, что он деловой человек, что его время дорого, а я и так, должно быть, расстроила нашим свиданием массу важных встреч. Я обязана была оправдать свой неожиданный звонок.

— Мне очень жаль, Юлиус, что побеспокоила вас, — начала я. — У меня неприятности.

— Я все улажу, — уверенно успокоил он.

— Не уверена. Вот... Скажите, Юлиус, вы знаете, что люди говорят о нас?

— Мне это безразлично, — заявил он. — А что?

Я почувствовала себя полной идиоткой.

— Но вы, наверное, в курсе, что люди считают, что вы... и я...

— Ну, ну, м... что же?

Как тогда раньше, он снова начинал выводить меня из себя. Может, он был тут не причем, но вряд ли не понимал, о чем идет речь.

— Меня считают вашей любовницей, — пояснила я. — Говорят, что я ваша содержанка и что я интересуюсь исключительно вашими деньгами.

— А у меня, конечно, ничего, кроме денег, нет, — обиженно бросил Юлиус.

Вот те раз, теперь я, очевидно, должна была уверить его, что он невероятно обаятелен и мил.

— Не в этом дело. Люди действительно верят в то, что говорят.

— Что вам за дело до того, что говорят и думают другие.

Как все в этом кружке, говорившие об остальных «другие», Юлиус как бы отделял себя от них. Он ведь совсем другой — чистое сердце, высокий интеллектуальный уровень, — не имеет ничего общего с этими великосветскими клоунами.

— Лично меня это не беспокоит, — сказала я неуверенно. — Но мне не хотелось бы, чтобы наши отношения каким-либо образом повлияли на вашу личную жизнь.

Юлиус издал горделивый смешок, который, по всей видимости, должен был означать: спасибо, моя личная жизнь в полном порядке, или же, что это вообще никого не касается. Я все больше и больше чувствовала себя не в своей тарелке.

— Но ведь правда, Юлиус, вы всегда были для меня прекрасным другом. Но я понимаю, что до встречи со мной вы жили не один... Мне бы очень не хотелось, чтобы другая женщина подумала... будто бы... Страдала из-за....

И на этот раз мой непробиваемый делец издал смешок, прозвучавший совершенно по-фанфаронски и так же недвусмысленно, как и первый.

— Юлиус, — твердо спросила я, — вы ответите мне или нет?

Он поднял голову, посмотрел на меня голубыми глазами и покровительственно похлопал меня по ладони.

— Успокойтесь, моя дорогая Жозе, когда мы встретились с вами, я был свободен.

Прекрасно! Еще немного, и он превратится в пресыщенного донжуана. А мне, очевидно, останется только радоваться своей удаче, что так ловко попала на период штиля в его жизни. Нет, дело принимало совершенно не тот оборот, на который я рассчитывала. То ли все упиралось в декорации Салины, то ли я сама себя загнала в ловушку. Сидя в этой проклятой чайной, я чувствовала ту же безысходность и отчаяние, как и во время первого посещения, нашего первого свидания с Юлиусом.

— Юлиус, — сказала я, слыша, как пронзительно звенит мой голос, готовый, казалось, вот-вот сорваться. — Юлиус, говорят, что вы никогда ничего просто так не делаете. Это-то, по крайней мере, вам известно?

— Но также говорят, что ради денег и вы готовы поступиться кое-чем. Ну и что теперь?

В довершение всего он был еще и логичен. Но не могла же я в самом деле спросить его вот так, без обиняков, строит ли он какие-либо далеко идущие планы насчет меня. Я тяжело вздохнула, откусила от ромовой бабы и вытащила из сумки пачку сигарет.

— Ладно, — сказал Юлиус. — Но какое это все может иметь значение? Вы прекрасно знаете, что я ваш друг. Я испытываю к вам привязанность... и даже больше чем привязанность... — добавил он задумчиво.

Я насторожилась.

— Я уважаю вас, — продолжил он. — И поверьте, мне не так легко внушить это чувство. Мне очень неприятно, что люди сплетничают на наш счет. Но что делать, мы живем в Париже. Я мужчина, вы женщина, этого следовало ожидать.

Я начинала приходить в отчаяние. Еще одно-два заезженных выражения, и меня можно будет выносить из кафе.

— Я очень рада, что вы испытываете ко мне уважение и привязанность, — сказала я. —

И я испытываю к вам те же чувства. Но, Юлиус, не вообразили ли вы чего-нибудь еще?

— Чего-нибудь еще?

Он уставился на меня. Глаза его округлились. Я почувствовала, что краснею. Так, мы дошли до точки.

— Да, чего-нибудь еще.

— Ха-ха! — весело рассмеялся он. — Моя дорогая Жозе, я никогда ничего не воображаю. Я человек без воображения. Я позволяю времени самому вести ход событий.

— И куда же, по-вашему, может завести нас время?

— Дорогая Жозе, — сказал он улыбаясь — на мой взгляд, очень глупо. — Очарование времени состоит в том, что никогда не знаешь, куда оно тебя приведет. Никогда.

Это последнее философское откровение доконало меня окончательно. Дидье был прав, когда предупреждал меня, что из Юлиуса никогда ничего не вытянешь. Не в силах успокоиться, я сунула в рот сигарету не тем концом, а предупредительный Юлиус поджег фильтр. Это вызвало у него бурную радость, и я еще раз услышала его знаменитый смех-лай. И как ему это удастся?! Еще одна его тайна. Он тут же поспешил вытащить из пачки другую сигарету.

— Ну, вот видите, — сказал он. — Вы говорите и делаете одни только глупости. Как подумаю, что только что страшно разволновался из-за вашего звонка. Нет, нет, Жозе, доверьтесь своему другу Юлиусу. Живите, как живется, и не забивайте себе голову ерундой.

Ну, а теперь он говорил совершенно как Злой Серый Волк, и мне все меньше и меньше хотелось становиться Красной Шапочкой. Хотя, с другой стороны, я вынуждена была признать, что если мои опасения ложны, то всем этим разговором я поставила Юлиуса в очень деликатное положение. Он также не мог сказать мне без обиняков, что вовсе не желает делить со мной постель, а все эти уловки были для него спасительным убежищем. Не успела эта мысль возникнуть у меня в голове, а я уже обеими руками вцепилась в нее. Она устраивала меня во всех отношениях. Во-первых, это было просто и ясно. А потом, вспоминая некоторые фразы нашего разговора, я сделала вывод, что Юлиус, скорее, тот мужчина, который устал от женщин, и испытывает больше раздражения от общения с ними. Юлиус интересовался лишь своими делами и властью, ну и может быть, еще одной симпатичной женщиной, которой хотел помочь. А все остальное было лишь плодом моего воображения, моего и Дидье, чья обостренная чувствительность заставляла во всем видеть страсть. Я вздохнула с облегчением. Не с полным, конечно. Что-то, словно заноза, мешало мне считать этот вопрос полностью разрешенным. Однако, я сделала все возможное, стараясь не выглядеть смешной. И если у Юлиуса и были какие-то темные замыслы, то мое беспокойство и резкое противодействие должны были открыть ему глаза. Я даже немного оживилась. Мы вспомнили вчерашний вечер в Опере, и я похвалила Юлиуса за быструю реакцию, а он меня за находчивость. Мы обменялись теплыми словами по поводу Дидье, несколькими остротами в адрес мадам Дебу, и Юлиус проводил меня домой. В машине он просунул мою руку под свой локоть и, похлопывая по ладони, весело, словно школьник, всю дорогу болтал. Поразмыслив, мне стало немного стыдно за то, что я приписала этому неуклюжему, но порядочному человеку маккиавеллевское коварство. Бескорыстие — не пустой звук, и если брат Дидье со своими красивыми глазами и большими руками так и не смог этого понять, то тем хуже для него. Легко судить и презирать других. Слишком легко. Завтра же я все объясню Дидье и заставлю его поменять свою точку зрения. Да, я, конечно, была права, когда столько колебалась, не в силах решиться на эти глупые и смешные

выяснения отношений. Надо всегда следовать своему инстинкту. Плохо лишь то — по крайней мере в моем случае, — что инстинкты слишком противоречивы. В следующий раз, когда я отправлюсь в Салину, я обязательно распробую ромовую бабу. А то я так и не смогла понять: вкусная она или отвратительная.

Когда я вернулась домой, меня окликнула консьержка. В руках у нее была телеграмма. В ней сообщалось, что Алан серьезно болен, что я немедленно должна была вылететь в Нью-Йорк и что в Орли меня ждет оплаченный билет. Телеграмма была подписана матерью Алана. Я тут же позвонила в Нью-Йорк и попала на дворецкого. Да, ответил он, господин Аш болен и лежит в клинике. Нет, что с ним случилось, он не знал. Да, мадам Аш с нетерпением ожидает моего приезда. Отчаяние охватило меня. Сердце сжалось. Ничего не понимая, я стояла посреди разбросанных искусствоведческих журналов, не понимая, откуда они взялись. Моя сегодняшняя жизнь показалась мне нереальной. Алан болен. Может быть, он даже умирает. Сама эта мысль была для меня невыносима. Был ли Нью-Йорк ловушкой или нет, но я должна была отправиться туда как можно скорее. Я позвонила Юлиусу. Он был великолепен. Он нашел мне самолет, который вылетал через четыре часа, заказал место, заехал за мной и отвез в аэропорт. Все это время он был спокоен, как скала. Когда мы прощались с ним у регистрационной стойки, он просил меня не волноваться. Он сам должен был лететь в Нью-Йорк на следующей неделе. Теперь он постарается ускорить свой отлет. Так или иначе, он обещал позвонить мне на следующий день утром в отель «Пьер», где у него был постоянно забронирован номер. В этом номере он и предложил мне остановиться. Я была согласна на все. Его спокойствие, организованность и милое отношение придали мне силы. А когда я оглянулась и увидела его, стоящим у барьера с поднятой в прощальном жесте рукой, то подумала, что расстаюсь с очень дорогим и близким другом. А ведь правда: за эти три месяца он стал моим покровителем, в самом благородном смысле этого слова.

10

Все пассажиры этого огромного самолета, бесстрастно пронзавшего ночь над океаном, спали, и лишь я одна сидела в маленьком, похожем на ракету, баре. И казалось, что эта ракета вот-вот оторвется от самолета, чтобы исчезнуть в бездне пространства. Последний раз я летела этим маршрутом два года назад. Только тогда мы летели в обратную сторону и к тому же днем. Тогда мы летели сквозь розовые и голубые облака, пытаясь догнать солнце. Тогда я убегала от Алана, и жуткая, грубая сила самолета уносила меня от того, кого я любила. А теперь та же сила возвращала меня к Алану, только я больше не любила его. Мне было хорошо в этом одиноком баре. Изредка, наверняка про себя проклиная меня, сонный бармен пытался привстать и предложить мне виски, от которого я отказывалась. Это хорошо, что моей свекрови пришла в голову мысль взять мне билет первого класса, потому что только пассажиры этого класса имели право посещать бар. Значит она знала о моем тяжелом финансовом положении. Интересно, что она обо всем этом думала? Естественно, как мать, как властная мать Алана, она должна была желать мне всяческих неприятностей. Но как американка, она должна была быть неприятно поражена, что Алан оставил меня без копейки. Два развода и одно вдовство обеспечили ее приличным состоянием, поэтому эта статья равноправия женщин была для нее не шуткой. Я все время спрашивала себя, что Алан рассказал ей.

Это была жесткая, властная женщина. Двадцать лет назад «Харперс Базар» воспел ее прекрасный профиль хищной птицы. Не знаю почему, но это сравнение привело ее в

восторг, и она даже усвоила чисто птичий поворот шеи и неподвижный взгляд, что еще больше увеличило это сходство. Так, еще в начале нашего замужества, она пыталась утратить меня, но я была влюблена в Ашана и на месте грозного орла видела перед собой старую, вздорную курицу. Ее попытки разлучить нас имели совершенно обратный результат. Мы еще больше сблизились и в конце концов сбежали от нее. Правда, и разрушили свою жизнь мы тоже сами. Но как бы там ни было, я находилась в самолете благодаря ей. Но отныне все эти солнца, облака, чудесные сны, навеваемые частыми перелетами, прекрасные пейзажи, лежавшие вверх ногами подо мной, зависели от моего финансового положения и становились таким образом все более и более ограниченными. А моя пресловутая свобода обретала все более тесные рамки. Но я недолго предавалась этим печальным мыслям. Шум моторов и звон льда в стакане напомнили мне о том, что Алан болен и, может быть, при смерти. И все из-за меня. Я не спала и прибыла в аэропорт «Пан-Америкен» усталая и разбитая. Аэропорт тоже изменился. Он стал больше, ярче и выглядел еще более устрашающе, чем в моих воспоминаниях. И вдруг мне стало страшно. Я боялась Америки, как боятся прекрасной и агрессивной иностранки. Я расположилась на заднем сиденье, и шофер оказался отделен от меня матовым стеклом. Он мог не бояться пуль, а я того, что кто-то посторонний станет свидетелем моей беспечной и веселой болтовни, которую я когда-то так любила. По мере того как мы погружались в этот город из камня и бетона, мне начинало казаться, что все стекла в машине стали непроницаемыми и навсегда оттеснили меня от того Нью-Йорка, который я так любила. Естественно, моя свекровь жила в районе Централ-Парка, и, прежде чем впустить меня, портье позвонил ей наверх. Нью-Йорк к тому же превратился в город-баррикаду. Я смутно вспомнила застекленный вход в прихожую, картины абстракционистов на стенах. Я прошла мимо этих полотен, служивших для помещения капитала, и с содроганием вошла в гостиную. Хищная птица была там. Она расправила свои крылья и бросилась ко мне. Она сухо поцеловала меня, и мне показалось, что сейчас она выключает мне кусочек щеки. Затем, отстранив меня и держа на расстоянии вытянутой руки, стала разглядывать.

— Вы плохо выглядите... — начала она.

Я перебила ее:

— Как Алан?

— Не волнуйтесь, — ответила она. — Хорошо. Теперь хорошо. Он жив.

Я упала на диван. Ноги дрожали. Наверное, я была настолько бледна, что она позвонила дворецкому и попросила принести коньяку. Как странно, подумала я, когда сердце слегка успокоилось и я немного пришла в себя. Как странно! Чтобы привести человека в чувство, во Франции предлагают виски, а в Америке коньяк. Я настолько приободрилась, что с удовольствием поделилась бы со свекровью этим наблюдением, но момент был неподходящим. Я сделала глоток и почувствовала, как жизнь возвращается ко мне. Я находилась в Нью-Йорке, я хотела спать, Алан был жив. Мое путешествие, восьмичасовой кошмар, был одной из тех жестоких оплеух, которые судьба время от времени отвешивает ради развлечения. Как в тумане я смотрела на сидевшую передо мной женщину, на ее безупречный макияж и слушала, как она говорит о неврастении, депрессии, злоупотреблении алкоголем, злоупотреблении возбуждающими и транквилизаторами. На самом деле речь шла о злоупотреблении страстью. Но затем она вспомнила о проделанной мною дороге, о моей усталости. Я позволила отвести себя в комнату для гостей, где, не раздеваясь, упала на постель. Последние минуты перед сном у меня в ушах еще несколько

секунд раздавался шум города.

У моего партнера по пляжам, вечеринкам и мучениям был, прямо скажем, неважный вид. Щеки его ввалились, а на подбородке красовалась двухдневная щетина. Взгляд остекленел, что не удивило меня, учитывая то старание, которое психиатры приложили, чтобы привести его в норму. В этой звуконепроницаемой палате с кондиционером у него был вид человека, выброшенного на обочину. Лечащий врач и профессор, которые встретили нас, говорили о заметном улучшении в его состоянии, о необходимости постоянного ухода, а мне все казалось, будто это я во всем виновата. Это я привила этому мужчине-ребенку человеческие черты. Может быть, иногда это было болезненно для него, но самое страшное произошло после, когда я трусливо отправила его обратно в этот стерильный кошмар. Он взял меня за руку и смотрел в глаза. Смотрел не просительно и не властно. Он глядел со спокойным облегчением, и это было страшнее всего. Казалось, он говорил мне: «Вот видишь, я изменился, я все понял. Я могу жить дальше... Ты только возьми меня обратно». В какое-то мгновение мне стало так жалко его, лежащего между чересчур заботливой матерью и чересчур рассеянным психиатром, что показалось, будто действительно все можно вернуть назад. Да, это было хуже всего. У него был взгляд побитой, но все равно верной собаки. Он словно говорил мне: да, наказание было долгим и убедительным, но жестоко оставлять его дальше в этом аду. Палата была мрачной. Куда подевался диван, на котором он любил вытягивать свое длинное тело? Куда подевались кашемировые пледы, которыми он любил прикрывать лицо, засыпая в минуты грусти? Куда подевалась та мягкая нежность жизни, что ассоциировалась у него с узкими парижскими улочками, пустыми кафе и молчанием ночи? Нью-Йорк гудел не переставая, и я знала, это было для него непереносимо. А теперь еще эта ватная тишина палаты. Такая неестественная и болезненная, она, должно быть, была для него еще хуже непрерывного шума Нью-Йорка. «Я здесь уже неделю», — говорил он, а я слышала: «Ты представляешь себе? Нет, ты представляешь?». «Они очень милы», — продолжал он, и это означало: «Понимаешь, я во власти этих совершенно чужих людей». «Этот доктор не так уж плох», — соглашался он, но я понимала: «Как ты могла отдать меня этому бездушному чужаку?» Наконец он прошептал: «Думаю, через неделю я смогу выйти». И тут я как бы услышала его безмолвный вопль: «Неделя, всего лишь неделя. Подожди меня неделю!» Меня буквально разрывало на части, и естественно, я вспомнила все то хорошее и счастливое, что было в нашей жизни. Как мы смеялись, разговаривали, отдыхали на песке, впадали в любовную истому и конечно, самое главное: как мы были уверены, что любим друг друга, будем любить вечно и вместе состаримся. И я забыла о кошмаре последних лет и о той, другой уверенности, — моей собственной, что если так будет продолжаться дальше, мы погубим друг друга. Я обещала ему прийти завтра, в то же время. Когда я вышла на Парк авеню, то оказалась в гуще движения пешеходов и автомобилей. Эта кипучая деятельность вдруг представилась мне отвратительной, и вместо того, чтобы отправиться пешком и посмотреть Нью-Йорк, я заперлась в машине свекрови. Она предложила мне выпить чаю в Сан-Реджис. Там мы могли бы чувствовать себя спокойно, и я согласилась. Казалось, что теперь я навечно обречена ездить в лимузинах с молчаливыми шоферами и посещать чайные в компании людей в два раза старше меня и в десять раз увереннее в себе. И все же я заказала виски. К моему великому удивлению, свекровь сделала то же самое. Должно быть, эта больница отличалась тем, что вызывала у всех депрессию. На какую-то секунду мне стало жаль ее. Как бы то ни было, но Алан был ее единственным сыном, и, несмотря на свой вид хищной птицы, там внутри, под оперением с острова Святого Лаврентия, должно было

биться сердце матери.

— Как он вам показался?

— Как вы и говорили: и хорошо и плохо.

Мы замолчали на несколько минут, и я почувствовала, что минута слабости прошла. Она вновь подобрала выпавшее из рук оружие.

— Дорогая Жозе, — начала она. — Я никогда не хотела вмешиваться в ваши с сыном дела.

Так, она начинала разговор со лжи, и я поняла, что за этой ложью последует и следующая, поэтому промолчала и не стала ее перебивать.

— Я не знаю, — продолжала она, — почему вы с Аланом расстались. Но что бы ни произошло, я хочу, чтобы вы знали, — я не могла представить, что он оставил вас без копейки. Когда же мне стало об этом известно, у него уже начался кризис и было бесполезно его упрекать.

Я махнула рукой, давая тем самым понять, что это не имело никакого значения. Но она была противоположного мнения и сделала другой жест, как бы отметаивший все мои возражения. В эту минуту мы были похожи на два семафора, работавшие в разном ритме.

— Как вы выкрутились? — спросила она.

— Я нашла работу. В финансовом отношении не Бог вещь что, но интересная.

— А этот господин А. Крам? Знаете, позавчера мне пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы выцарапать у его секретарши ваш адрес.

— Господин А. Крам мой друг, — ответила я. — И только.

— И только?

Я подняла глаза. По моему виду она, наверное, поняла, насколько эта тема мне неприятна, поэтому быстро сделала вид, что мое «и только» ее удовлетворило. Тут я вспомнила, что обещала Юлиусу остановиться в гостинице «Пьер» и позвонить ему оттуда. Я почувствовала некоторое угрызение совести. Франция, Юлиус, газета, Дидье — все это было сейчас таким далеким... Все сложности моей парижской жизни вдруг показались мне такими ничтожными, что я потерялась. Потерялась в этом страшном городе с этой не любившей меня женщиной, после мрачной клиники, без корней, любви, друзей, я потерялась в собственных глазах. Запотевший стакан с традиционной ледяной водой, безразличный официант, шум на улице — все заставляло меня дрожать. От невыносимого страха и безысходности у меня свело руки.

— Что вы собираетесь делать дальше? — строго спросила моя спутница, и я совершенно искренно ответила: «Не знаю».

— Но вам же надо принять какое-то решение, — сказала она. — Я имею в виду Алана.

— Это решение я уже приняла: Алан и я, мы разводимся. Я ему об этом сказала.

— А он мне рассказал совсем другое. По его словам, вы решили пожить какое-то время отдельно друг от друга и что ничего еще не решено до конца.

— И тем не менее это так.

Она смотрела на меня не отрываясь. Эта мания разглядывать вас в упор, словно гипнотизируя, в течение долгих минут, была очень неприятна. Очевидно, она считала эти прямые взгляды неким моментом истины. Я пожала плечами и отвернулась. Это оскорбило ее, вернув прежнюю агрессивность.

— Поймите меня правильно, Жозе. Я всегда была против этого брака. Алан всегда был очень ранимым, а вы слишком независимой, чтобы это не причиняло ему страданий. И если

я вас вызвала сюда, то только лишь потому, что он требовал этого. Я нашла в его комнате двадцать писем, адресованных вам, которые он запечатал в конверты, наклеил марки, но так и не отправил.

— Что он писал?

И она попала в ловушку.

— Он писал, что не в состоянии...

Она поперхнулась, осознав, как глупо призналась в своей бестактности. И если бы не ее обильный макияж, я уверена, что увидела бы как она краснеет.

— Ладно, — прошептала она. — Да, я прочитала эти письма. Я просто сходила с ума и сочла необходимым прочесть их. Вот так я и узнала о существовании вашего господина А. Крама.

Она оправилась и снова стала прежней хищной птицей. А по поводу Юлиуса Алан мог написать Бог знает чего. Я почувствовала, как во мне начинает подниматься злоба. Я приходила в себя. Образ Алана, беспомощного, с затуманенными болезнью и страданием глазами, начал отступать. Не могло быть и речи о том, чтобы я осталась еще хоть на один день наедине с этой женщиной, которая так ненавидела меня. Я не могла больше выносить ее общество. Правда, я обещала Алану, что приду завтра. Да, это я действительно обещала.

— Кстати, о Юлиусе А. Краме, — заявила я. — Он предложил мне воспользоваться его номером в гостинице «Пьер». Таким образом, я больше не буду обременять вас.

Она быстро кивнула и улыбнулась той легкой улыбкой, которая словно говорила: «Браво, милочка, вы и вправду неплохо устроились», — и ответила:

— Вы несколько не стесняете меня. Но в конце концов я прекрасно понимаю вас. В гостинице вам, конечно, будет веселее, чем в квартире свекрови. Я не ошиблась, когда говорила о вашей независимости.

На ней была черно-синяя шляпа, наподобие берета, с райскими птичками по краю. Неожиданно мне захотелось натянуть ей этот берет до самого подбородка, как иногда делают герои комедийных фильмов. Натянуть и так бросить — кричащую, ничего не видящую, посреди этого чайного салона. Вот так всегда: в минуты самого сильного гнева на меня находит приступ нелепого смеха, когда я готова совершить невесть что на свете. Для меня это было сигналом тревоги. Я резко встала и схватила пальто.

— Завтра я пойду навещу Алана, — сказала я. — Как мы договорились. А за своими вещами пришло кого-нибудь из «Пьера». Так или иначе мой адвокат из Парижа свяжется с вашим. Они обговорят все вопросы, касающиеся развода. А сейчас, к сожалению, я должна вас оставить, — добавила я машинально. Даже в самые ненужные моменты во мне всплывала вдолбленная с детства вежливость. — Мне еще нужно позвонить в Париж. Друзьям и на работу — пока не поздно.

Я протянула ей руку, и она растерянно пожала ее. По всей видимости, она спрашивала себя, не перегнула ли палку, не пожалуюсь ли я на нее завтра Алану и не обидится ли он смертельно на нее за это. На какую-то секунду она превратилась в старую, одинокую и эгоистичную женщину, которая вдруг увидела себя со стороны такой, какой была, и ужаснулась.

— Этот разговор останется между нами, — сказала я, проклиная себя за жалость. Затем повернулась и пошла.

Она громко окликнула меня по имени. Я остановилась. Неужели я наконец услышу человеческий голос.

— Что касается вашего чемодана, — бросила она, — то можете не беспокоиться. Мой шофер завезет его в «Пьер» через час.

11

Увидев меня, администратор «Пьера» испытал явное облегчение. Он ждал меня еще утром и теперь боялся, что цветы в номере начали увядать. Господин Юлиус А. Крам уже звонил два раза и просил передать, что позвонит еще в 8 часов вечера по нью-йоркскому времени, что означало 2 часа ночи по парижскому. Апартаменты Юлиуса состояли из двух комнат, разделенных гостиной, обставленной в стиле Чиппендейла. Было семь часов вечера, когда я подошла к окну и неожиданно ощутила то старое очарование, которое считала навсегда уже утерянным. Нью-Йорк был залит морем огней. К ночи город превращался в сверкающее, фантастическое зрелище. Я долго стояла и смотрела на него. Мне чудом удалось открыть форточку, и свежий вечерний ветер ударил мне в лицо. В воздухе запахло морем, пылью и бензином. Эти запахи были неотъемлемы от Нью-Йорка как и его непрекращавшийся гул. Они всегда преследовали меня. Я села на диван, включила телевизор и оказалась в мире вестерна, насыщенного стрельбой из благородных побуждений. Но, если я чего и хотела в этот час, после мрачной больницы и беседы со свекровью, так это развеяться. Но странное дело, если падала лошадь, то я падала вместе с ней, если злодей получал пулю в сердце, то это сердце было и моим тоже. А когда наступило время любовной сцены между чистой и невинной девушкой и крутым ковбоем, то я восприняла ее как личное оскорбление. Я переключила программу и попала на полицейский фильм. Это была чисто садистская картина. Я выключила телевизор и стала ждать восьми часов. Наверное, я выглядела смешно, вот так без дела сидя на диване, совершенно одна в огромной гостиной дорогого отеля. По всей видимости, в тот момент я здорово смахивала на богатую эмигрантку. Принесли мой чемодан, но у меня уже не было ни сил, ни желания открывать его. Я чувствовала, как в висках стучит кровь. Стучит по-дурацки, ненужно... В восемь часов пять минут зазвонил телефон, и я сняла трубку. Голос Юлиуса звучал очень ясно и близко. В тот момент мне показалось, что эта трубка и провод, пролеглий, несмотря на бури и шторма, под океаном, были единственными вещами, еще связывавшими меня с миром живых.

— Я волновался, — сказал Юлиус. — Что вы делали?

— Я приехала к своей свекрови очень рано или, точнее сказать, очень поздно и проспала всю первую половину дня. Затем пошла навестить Алана.

— Как он себя чувствует?

— Не очень хорошо.

— Когда вы собираетесь вернуться?

Я колебалась, не зная, что ответить.

— Дело в том, что я могу приехать в Нью-Йорк завтра, — сказал он. — Я улажу там кое-какие дела и тут же отправлюсь в Нассо, тоже по делам. Если хотите, можете поехать вместе со мной и моей секретаршей. Думаю, неделя у моря пойдет вам на пользу.

Неделя на море. Я представила себе белый пляж, индиговое море и раскаленное солнце. Такое раскаленное, что смогло бы отогреть мои старые кости. Меня уже тошнило от городов.

— А как же Дюкре? — спросила я. — Мой начальник?

— Как мы договорились, я позвонил ему. Он считает, что вы должны воспользоваться

случаем и посмотреть в Нью-Йорке две-три выставки. Адреса он дал. Я думаю, что он смирится с вашим отсутствием, если вы привезете ему несколько статей. Если мне не показалось, то он даже сказал, что это большая удача, что вы в Нью-Йорке.

Я почувствовала, что оживаю. Это путешествие, прошедшее на грани абсурда и меланхолии, вдруг стало нужным и интересным. Да еще это удовольствие полежать на горячем песке у моря. Я никогда не была в Нассо. Мы с Аланом больше предпочитали маленькие острова во Флориде или Карибском море. Но, с другой стороны, я знала, что Нассо — рай для налогоплательщиков, и не было ничего удивительного в том, что Юлиус уже воздвиг там один из своих форпостов.

— Это было бы замечательно, — сказала я.

— Уверен, что отдых пойдет вам на пользу, да и мне тоже, — добавил Юлиус. — В Париже отвратительная погода. Она буквально давит на меня.

Я плохо могла представить себя, чтобы что-то давило на Юлиуса и тем более раздавило. Для этой цели скорее понадобился бы бульдозер. Но, конечно, я была несправедлива. Или у меня не доставало воображения? Что в общем-то одно и тоже.

— Я постараюсь приехать как можно скорее, — продолжал он. — Не волнуйтесь за меня. Чем вы собираетесь заняться сегодня вечером?

Я ответила, что сама еще не знаю. Так оно и было. Он засмеялся и посоветовал посмотреть какой-нибудь фильм и лечь спать. Он порекомендовал мне некоего господина Мартина — одного из администраторов гостиницы, — к которому я могла обратиться с любыми просьбами, и передал привет от Дидье, который, как ему показалось, уже сильно скучал без меня. Еще он сказал, где в его номере я могу найти несколько забавных книг, и нежно пожелал спокойной ночи. Одним словом, успокоил.

Я заказала по телефону легкий ужин, отыскала в спальне книгу Малепарте и, используя улучшившееся настроение, открыла чемодан и стала приводить вещи в порядок. А в нескольких кварталах от моего отеля, в ватной тишине комнаты на белых простынях лежал измученный и разбитый молодой человек. Он ждал, когда кончится ночь. Я представила себе на мгновение это долгое и страшное ожидание в ночи, опрокинутый профиль с синевой щетины, лицо, зарывшееся в подушку. Но вскоре я погрузилась в чтение и забыла обо всем, кроме дикого мира «Капута». У меня был действительно тяжелый день.

Утром я сначала отправилась посмотреть выставку Эдварда Хуппера, американского художника, которого любила особой любовью. Около часа я стояла, мечтательно глядя на его меланхолические картины, населенные одинокими героями. Особенно долго я задержалась у «Сторожей моря». На полотне мужчина и женщина сидели совсем рядом друг с другом, но вместе с тем они были бесконечно далеки. Поодаль был дом кубической формы, оба героя смотрели на море. Мне вдруг показалось, что это полотно — безжалостная проекция нашей с Аланом совместной жизни.

Он побрился и даже сумел частично вернуть себе нормальный цвет лица. Глаза уже не были полны безмолвного страха и мольбы. В них светился иной огонь, и я тут же узнала его: это было пламя недоверия и злобы. Он едва дал мне сесть.

— Итак, ты покинула мой дом и снова живешь за счет Юлиуса А. Крама? Он приехал с тобой?

— Нет, — ответила я. — Он одолжил лишь мне свой номер в гостинице, а так как мы с твоей матерью плохо понимаем друг друга... ты же знаешь...

Он перебил меня. Щеки порозовели, а глаза сверкали. В который раз я с грустью отметила, каким красивым становится его лицо, когда он охвачен ненавистью. Существует такая порода людей — и она не так малочисленна, — которая чувствует себя нормально лишь во время сражений.

— А я-то думал, что ты приехала из-за меня. Но он, конечно, не сумасшедший, чтобы оставить тебя одну больше чем на двое суток. Когда он прилетает?

Я была на грани. Шестым чувством он обо всем догадался, и хотя мне не в чем было упрекнуть себя, мне нечего было ответить. Я вновь попала в ту безысходную ситуацию, в которой находилась все время нашего брака. Быть невиновной, но всегда подозреваемой — что может быть обиднее? Я попыталась все свести к шутке и начала рассказывать про Хуппера, про полет на самолете, но он едва слушал. И только я замолчала, как быстро вспомнил, на чем остановился в своих обвинениях при нашей последней встрече, и с вдохновением и злостью продолжил тему. Я сидела, слушала и убеждалась в правоте принятого решения. Нет, его невозможно было изменить. Разрыв был неизбежен, а то, что произошло вчера, было лишь случайностью, виной чему была моя жалость. А я слишком хорошо знала, что никогда любовь не расцветет на почве жалости. Она просто обречена на гибель.

— Так, — сказала я, в последний раз пытаюсь его урезонить. — Я в последний раз повторяю тебе, что никогда не была близка с Юлиусом.

— Еще бы, — быстро подхватил он. — В мое время для этого ты подбирала себе более молодых и красивых.

— В твоё время, как ты говоришь, я никогда и никого себе не подбирала. Было лишь всего два случая, которые ты сам спровоцировал.

— Как бы там ни было, а Юлиус А. Крам взял тебя под свое крылышко. Под свое золотое крылышко. И, кажется, там тебе нравится. А потом, — добавил он с неожиданной силой. — Что мне до того, спишь ты с ним или нет! Ты постоянно видишься с ним, общаешься, звонишь ему, улыбаешься, да-да, улыбаешься и говоришь. Но не мне, не со мной! А с кем-то другим! Даже если он не дотронулся до тебя и пальцем, какая разница?!

— Ты хотел бы снова жить вместе? Как в те последние недели перед твоим отъездом? Снова пережить то сумасшествие в нашей квартире? Это и есть мечта твоей жизни?

Его глаза впились в меня.

— Да, — ответил он. — Те две недели ты полностью принадлежала мне. Ты была только со мной, как когда-то на тех одиноких пляжах, куда я возил тебя и где ты никого не знала. Но даже там, через пару недель, ты завязывала знакомства с рыбаками, отдыхающими или официантами в кафе. И тогда ничего не оставалось, как уезжать. Мы объездили все Барбадосские и Галапагосские острова. Все до единого! Но ведь есть еще и другие острова, на которых ты еще не бывала и куда я увезу тебя, если понадобится — силой.

Под конец он уже орал. Он вспотел и стал похож на настоящего сумасшедшего. Испугавшись, я поднялась со стула. Открылась дверь, и вошла сестра. Она была спокойна, но действовала быстро и решительно. В руках у нее был шприц. Он никак не хотел успокоиться и продолжал сопротивляться. Тогда она нажала на кнопку звонка, и появился санитар. Он сделал мне знак выйти. Я стояла в коридоре, прижавшись спиной к стене, испытывая, как героиня бульварного романа, неудержимую тошноту. Алан продолжал выкрикивать названия островов, бразильских пляжей, индийских провинций. Его голос становился все пронзительнее. Я заткнула уши. Неожиданно наступила тишина. Из палаты вышла сестра.

Она была по-прежнему спокойна.

— Он просто в великолепном состоянии, — сказала она, и в голосе читался упрек.

Ну все! С меня было довольно. Я больше не могла этого вынести. Я повернулась и поспешила к выходу, пересекая тихие коридоры больницы. Ноги дрожали. Что бы там Алан ни говорил, но больше я не собиралась с ним встречаться. Никогда! Это просто невозможно было вынести. Невозможно, невозможно... Я шла и повторяла это слово до самых дверей своего номера в отеле «Пьер». Секретарша Юлиуса как раз распаковывала чемоданы. Она повернула голову и удивленно взглянула на меня. Тут же из комнаты вышел Юлиус, я бросилась к нему и разрыдалась у него на плече. Он был меньше меня ростом, и мне пришлось нагнуться, чтобы вот так стоять, оперевшись на него. Наверное, в этот момент я была похожа на молодое, обессиленное деревце, пытавшееся устоять за счет сухой, но очень крепкой деревяшки, которую воткнули в землю рядом.

12

Пляж в Нассо оказался действительно белым и прекрасным, солнце горячим, а вода прозрачной и теплой. Я повторяла про себя эти слова словно заклинание, лежа в гамаке и пытаюсь поверить в то, что видели мои глаза. Безуспешно. Я не испытывала никакого физического удовольствия от всех прелестей, окружавших меня. Вот уже три дня я была тут, но словно червь в моей голове ворочалась одна мысль: «Что ты тут делаешь? Зачем? Ты же совсем одна». Правда, подчас именно в одиночестве я переживала эти моменты необычного, почти метафизического счастья, когда вдруг, словно во вспышке озарения понимаешь, что жизнь прекрасна, просто потому, что она есть. В остальных случаях минуты счастья делишь с кем-нибудь еще. Можно подумать, что молекула счастья так ничтожно мала, что для того, чтобы обнаружить ее, микроскопа одной пары глаз недостаточно. Но в тот момент мой взгляд не обладал достаточной силой, чтобы разглядеть этот прекрасный блеск. Юлиус, который не переносил жары, обсуждал свои дела в одной из роскошных комнат отеля с кондиционером, и, когда мы втроем с мадемуазель Баро встречались за столом, он не упускал случая похвалить мой загар. Сам он по-прежнему оставался очень бледным и усталым. У него была с собой уйма лекарств: белых, красных и желтых пилюль, запас которых с лихвой пополнился в Нью-Йорке. Время от времени он повелительным жестом требовал их у бедной мадемуазель Баро. В эти минуты секретарша смотрела на него с тревогой. Лично я испытывала какой-то внутренний ужас перед лекарствами, но я даже боялась и заикнуться об этом, наверное, из-за стыдливости, совсем не свойственной людям нашего времени, когда каждый с упоением рассказывает о малейших неполадках в своем организме. И все же это безудержное поглощение лекарств вызвало у меня беспокойство, и я обратилась за объяснениями к мадемуазель Баро. С натянутой улыбкой секретарша развернула передо мной целый список Тонизирующих, Успокоительных и Снотворных. Я была поражена. Юлиус, могущественный и неуязвимый делец, нуждался в транквилизаторах! Мой покровитель сам нуждался в поддержке! Нет, это был перевернутый мир. Я знала, что девять десятых населения земли систематически принимают подобные лекарства. Было совершенно логично, что перегруженный делами и одиночеством, Юлиус также нуждался в них. И тем не менее этот первый знак отсутствия равновесия в нем напугал меня. Да, я уже не была ребенком и знала, что под бетоном всегда есть песок, а под песком — бетон, и жизненные трудности сопутствуют всем. И тогда я спросила себя, а каким было детство и вся предыдущая жизнь Юлиуса. Я захотела понять суть его натуры. Для этого как раз

наступило время. На самом же деле мне следовало раньше поинтересоваться, кем же был человек, сделавший мне столько доброго.

За исключением этого краткого момента угрызений совести, мне было очень скучно в этом карикатурном Нассо, населенном истеричными американками и малокровными дельцами. К счастью, множество бассейнов, конкурировавших между собой, обещали спасение от акул и микробов, и огромное море было пустынным. Мое постоянное одиночество на пляже, иногда утомлявшее меня, все же действовало успокаивающе, и эхо криков Алана в больничной палате все слабело и слабело. Не подстегивая события, без всякого нетерпения, я ждала, когда смогу полностью слиться с природой и вернуться в Париж. Вечера были очень красивыми. У самого моря устанавливали столики и невидимый во мраке пианист исполнял в сопровождении банджо вещи, которые когда-то принесли известность Колу Портеру. После пляжа редкие клиенты оставались лежать в гамаках, глядя, как луна и море играли своим отражением в тихих качавшихся волнах. Вот в один из таких вечеров Юлиусу и пришла в голову мысль послушать вальс Штрауса. Я отыскала в полумраке пианиста на небольшой деревянной эстраде у самой воды. Он был необычайно красив, и, когда я выговорила свою просьбу, голос прозвучал хрипло. Он был очень смугл, тонок, беспечен и чрезвычайно самоуверен. Мы обменялись с ним одним из тех откровенных взглядов, какими я очень редко в своей жизни обменивалась с незнакомыми мужчинами. Иногда это имело продолжение, а иногда нет, но каждый раз этот взгляд был полон взаимного понимания. Пианист бросился исполнять венский вальс, а я пошла прочь, улыбаясь при мысли о своем прошлом или будущем беспутстве. Потом я забыла о нем. Но на мгновение этот взгляд все же дал мне ощущение счастья, маленький подарок, говоривший о том, что я жива.

А на следующий день Юлиус упал в обморок на пляже. Он подошел к моему гамаку, пробормотал что-то насчет жары и неожиданно повалился лицом вниз. Он лежал у моих ног в блейзере цвета морской волны, галстук и серых брюках (к счастью, он испытывал отвращение к шортам, какие натягивали на себя некоторые одутловатые постояльцы отеля, не страдавшие комплексами). Это маленькое темное тело, которое неподвижно лежало на сверкающем песке пляжа, показалось мне сошедшим с одной из сюрреалистических картин. Я бросилась к нему, подбежал кто-то еще, и мы перенесли Юлиуса в спальню. Врач что-то долго говорил о переутомлении, напряжении и давлении, и нам с мадемуазель Баро пришлось ждать почти час, пока он окончательно придет в себя. Когда он позвал меня, я вошла и села на краешек его кровати, преисполненная жалости, будто он был маленьким ребенком. Он был в светло-серой пижаме. В вырезе ее виднелась бледная безволосая грудь. Голубые глаза, лишенные привычных очков, испуганно моргали. У него был такой незащитный вид, он так был похож на престарелого ребенка, что на миг мне стало стыдно, ведь я заявила к нему без игрушки, не принесла даже пирожных.

— Мне очень неприятно, — пробормотал он. — Наверное, я напугал вас.

— Очень напугали, — призналась я. — Юлиус, вы должны подумать о себе, немного отдохнуть. Погулять по пляжу, покупаться...

Он покраснел.

— Я всегда слишком сильно боялся воды, — ответил он. — По правде говоря, я не умею плавать.

Я рассмеялась, и он явно обиделся.

— Завтра я вас научу, — пообещала я. — В бассейне. Но уж по крайней мере сегодня вы работать не будете. Вы устройтесь в гамаке рядом со мной и будете смотреть на море. Вы ведь даже не знаете, какого оно цвета.

В эти минуты я чувствовала себя агентом службы социального обеспечения, а он слабо кивал головой, радуясь, что впервые кто-то решает за него и заботится о нем. Зависимость, как и ее противоположность, по всей видимости, является необходимой частью человеческого существования. С разрешения доктора и с помощью мадемуазель Баро мы перенесли Юлиуса и его одеяло в гамак. Он сразу же наполовину провалился. Я села рядом и открыла книгу. Мне казалось, что он очень устал и нуждается в тишине.

— Вы собираетесь читать? — спросил он плаксиво.

— Нет, — ответила я, демонстративно закрывая книгу.

Он хотел поговорить. Я начала, словно для себя, читать проповедь о вреде некоторых лекарств, но в самый разгар была прервана тем же плаксивым голосом. Я совсем не видела его, за исключением пряди волос, одеяла и двух рук, судорожно вцепившихся в края гамака. Было такое впечатление, словно он держался за борта шаткого каноэ и боялся перевернуться.

— Вам скучно?

— Вовсе нет, — ответила я. — Почему вы спрашиваете? Здесь очень красиво, а я обожаю бездельничать.

— Я все время боюсь, что вам скучно, — сказал Юлиус. — Если бы я был уверен, что это так, мне было бы очень плохо.

— Почему? — весело поинтересовалась я.

— Потому что с тех пор как я узнал вас, мне ни разу не было скучно.

Я пробормотала: «Очень мило с вашей стороны». Я начинала чувствовать себя неуверенно и боялась того, что он сейчас продолжит эту тему.

— С тех пор как я познакомился с вами, — продолжал голос Юлиуса, приглушенный одеялом или робостью. — С тех пор как я познакомился с вами, я перестал чувствовать себя одиноким. Я всегда был очень одинок. Конечно, в этом нет ничьей вины, кроме моей. Я не умею разговаривать с людьми: я внушаю им страх или отвращение. И особенно женщинам. Они считают, что то, что я жду от них, слишком просто и заурядно. А может быть, я сам выгляжу пустой заурядностью в их глазах. Не знаю...

Я молчала.

— А может быть, — добавил он со смешком, — мне просто не везло, и попадались лишь заурядные женщины. А потом я всегда так занят своим бизнесом. Вы же понимаете, когда занимаешься такими делами, не можешь быть спокоен ни минуты. Отвлечешься — и все пошло наперекосяк. Надо всегда быть на месте, принимать решения, даже если это вам больше неинтересно. Вот и лезешь из кожи вон, а зачем?

— Судьба многих людей зависит от вас. Естественно, что у вас полно забот.

— Да, конечно, — согласился он, — они зависят от меня. Но я, я ни от кого не завишу. Я ни на кого не работаю. Я вам уже говорил как-то: я был беден. Не думаю, что тогда я чувствовал себя менее одиноким или несчастным.

Этот тихий, жалобный голосок, раздававшийся из глубины гамака, наполнял меня неожиданной нежностью и жалостью. Я пыталась встряхнуться, вызвать в памяти тот парижский образ уверенного воротилы с пронзительным взглядом и жестким голосом, но видела перед собой лишь маленького человечка в блейзере цвета морской волны, который неподвижно лежал на залитом солнцем песке.

— Почему вы так и не женились? — спросила вдруг я.

— За исключением одного раза, мне этого никогда не хотелось. Вот только тогда, с той англичанкой, помните, я рассказывал вам? После той истории я долго не мог придти в себя.

А потом... потом это уже было слишком легко. Видите ли, потом я стал богатым.

— Но наверняка были женщины, которые любили вас не за деньги? — заметила я.

— Не думаю. Хотя, может, я и ошибаюсь.

Воцарилось молчание. Я безуспешно пыталась найти слова, которые не были бы словами банального утешения. Но ничего путного на ум не приходило.

— Вот почему, — продолжал Юлиус. Голос его звучал все тише и тише, — с тех пор как я вас встретил, мне живется гораздо счастливее. Мне кажется, что я забочусь о вас, что есть кто-то, кто нуждается в моей помощи. Конечно, нехорошо так говорить, но в тот день, когда вы вернулись в «Пьер» и расплакались у меня на плече, позволили мне успокоить вас, я знаю, что это ужасно, но очень давно я не был таким счастливым, как в тот день.

Я молчала и сидела не шелохнувшись. Я чувствовала, как капелька пота потекла у меня по спине и заволгло глаза, как будто перестав видеть, я переставала и слышать. В конце концов я зло призналась себе, словно насмехаясь над собой, что еще после наших первых встреч, у Алфернов, в кафе, когда мы сидели совсем одни, я ждала этого момента. На деле мое чистосердечие оказалось лицемерием, а беззаботность — слепотою.

— Говоря откровенно, — сказал Юлиус, — я не переживу, если потеряю вас.

Конечно, я не могла сказать ему, что ничего не имеющий не может ничего потерять. Именно с ним я приехала сюда, именно с ним я проводила все вечера, именно к нему я обращалась за помощью, именно на него я рассчитывала. Не обладая мной физически, он тем не менее не мог отказаться от морального обладания, и может быть, из-за отсутствия первого, второе было значительно сильнее. Было бы жестоко и глупо отрицать: можно очень легко делить с кем-то жизнь, но не делить при этом постель, даже если это немодно, а Господь знает, что это не так. На деле я оказалась еще более зависимой, отказывая ему в даре, что называлось моим телом. А ведь с какой легкостью я подчас предлагала его другим мужчинам. Я сделала последнюю попытку не усугублять тему.

— Но, Юлиус, никто и не говорит, что вы должны потерять меня...

Он прервал меня:

— Мне хотелось бы, чтобы вы поняли: я желаю жениться на вас.

Я выпрямилась в своем гамаке и подалась вперед. Эти слова, тон, сама мысль приводили меня в ужас. Но мало того, от меня ждали ответа. А моим ответом было «нет», но я не хотела произносить его, чтобы не причинять страдания этому человеку. Снова я оказалась загнанной, напуганной дичью. Снова я чувствовала себя виноватой. Снова я была под безжалостным огнем чувств, которых не разделяла.

— Не отвечайте мне, — быстро проговорил Юлиус. По его голосу я поняла, что он так же напуган, как и я. — Я ничего не прошу у вас и не жду ответа. Просто я хотел, чтобы вы знали это.

Я трусливо опрокинулась в гамак и стала искать сигареты. И тут я обратила внимание на то, что пианист уже давно играет. На этот раз я сразу узнала мелодию: это был «Mood Indigo», и я машинально начала припоминать слова.

— Пойду лягу спать, — сказал Юлиус. — Извините меня, но я что-то неважно себя чувствую. Поужинаю у себя.

Я прошептала: «Спокойной ночи, Юлиус», — и он зашагал прочь, неся одеяло под мышкой. Он уходил, оставляя у моих ног пляж, море и свою любовь. И оставляя меня совершенно подавленной. Через час я отправилась в пустой бар и выпила там два пунша. А через десять минут туда вошел пианист. Он попросил разрешения угостить меня еще одним

пуншем. Через полчаса мы уже звали друг друга по имени, а через час я лежала в его бунгало обнаженная, тесно прижавшись к нему. На целый час я позабыла обо всем. Затем я вернулась к себе, тайком, словно неверная жена. Конечно, мне нечем было гордиться. Нет, я не обманывала себя: счастливая пресыщенность моего тела была так же реальна, как и голод моего сердца.

13

В этот первый весенний вечер Париж сверкал. Все казалось неосязаемым. Мосты и памятники словно повисли в воздухе, а у пешеходов будто выросли крылья. Охваченная эйфорией, я зашла в цветочный магазин, и мне навстречу, лая, выбежала забавная такса. Похоже, она была единственной хозяйкой в лавочке. Некоторое время в магазине никого не было, и я спросила ее, сколько стоят тюльпаны и розы. Я шла вдоль полок и указывала на разные растения, а она, по всей видимости, радуясь этому развлечению, повизгивая, бегала за мной. А когда я с энтузиазмом развернула целую речь по поводу дикорастущих нарциссов, кто-то постучал в витрину. Я обернулась и увидела за стеклом на тротуаре мужчину, который с иронической улыбкой крутил пальцем у виска. Пантомима между мной и собакой была, видимо, очень смешной и длилась не меньше пяти минут. Я улыбнулась в ответ. Вот так мы и стояли, глядя друг на друга сквозь залитую солнцем витрину. Такса лаяла громче и громче, и Луи Дале, наконец, открыл дверь, вошел и взял меня за руку. Он долго не отпускал ее, а я заметила, что он был еще выше, чем мне показалось во время нашей первой встречи.

— Никого нет, — пояснила я. — Какой-то странный магазин.

— Остается только уйти, прихватив розу и собаку, — решительно заявил он.

Он вытащил розу из вазы, а собака, вместо того, чтобы придти в неистовство, весело завиляла хвостом. Но мы все же оставили ее на своем посту и вышли на солнце. Луи Дале по-прежнему держал меня за руку, и мне казалось это вполне нормальным. Мы спустились по бульвару Монпарнас.

— Я обожаю этот квартал, — сказал он. — Наверное, он единственный, где можно увидеть женщин, покупающих цветы у собак.

— А я думала, вы в деревне. Дидье сказал, что вы ветеринар.

— Иногда я приезжаю в Париж, чтобы повидаться с братом. Присядем?

Не дожидаясь моего ответа, он усадил меня за маленький столик на террасе одного из кафе. Он отпустил мою руку и вытащил из кармана пачку сигарет. Мне очень нравились его широкие непринужденные движения.

— Кстати, — сказал он. — Я только что приехал и еще не видел Дидье. Как он поживает?

— Мы разговаривали только по телефону. Я сама приехала всего два дня назад.

— А где вы были?

— В Нью-Йорке, а потом в Нассо.

На секунду я испугалась, что он снова заговорит о Юлиусе в таком же оскорбительном тоне, как тогда, при первой нашей встрече. Но он этого не сделал. У него был счастливый, беззаботный и спокойный вид. Мне даже показалось, что он помолодел.

— Действительно, — сказал он. — Вы такая загорелая.

Он повернулся в мою сторону и внимательно оглядел меня. У него были удивительно светлые глаза.

— Поездка была долгой?

— Я ездила навестить мужа. Он болен...

Я запнулась. Клиника в Нью-Йорке, белый пляж, лежащий в обмороке Юлиус, слишком красивое лицо пианиста — все это мне вдруг показалось картинками из старого цветного фильма со стершейся пленкой. Теперь я видела перед собой только лицо сидевшего рядом мужчины, серый тротуар и мирно зеленеющие деревья вдоль бульвара. Впервые после своего возвращения я почувствовала, что снова нахожусь в своем городе. Все так смешалось за последнее время: речь Юлиуса в самолете с просьбой простить его слабость на пляже, на удивление восторженный прием главного редактора, облегчение в голосе Дидье по телефону. Казалось, неясность и сомнение стали основными цветами моего существования. Я укрылась за статус кво, предложенное Юлиусом, но все равно последние недели оставили во мне ощущение тихой грусти и неразберихи, до того момента, как такса и Луи Дале одновременно вошли в мою жизнь.

— Мне хотелось бы иметь собаку, — заметила я.

— У меня есть друг, — сказал Луи Дале. — Его собака недавно оценилась. Три маленьких, прелестных щенка. Я принесу вам одного.

— А что за порода?

Он засмеялся.

— Очень странная, наполовину волкодав, наполовину охотничья. Завтра увидите. Я принесу его вам на работу.

Тут я не на шутку разволновалась.

— Но нужно же делать прививки, нужно...

— Да, да, конечно. Но не забывайте — я как-никак ветеринар.

Тут он в юмористическом тоне изложил мне все те неприятности, которые будут подстерегать меня, как только я стану хозяйкой собаки, а я смеялась от ужаса. Время летело катастрофически быстро. Было уже за семь, а ведь мне еще предстоял ужин у вечной мадам Дебу. Но сейчас эта перспектива показалась мне как никогда смертельно скучной. Я бы с гораздо большим удовольствием провела бы вечер на этом стуле, разговаривая о собаках, кошках и козах. И смотрела бы, как вечер опускается на город. Но мне нужно было идти, торчать в скучном и болтливом обществе. Я представляла себе, как они возбудились, обсуждая мой медовый месяц с Юлиусом в Нассо. Я пожала руку моему ветеринару и с сожалением убежала. На углу улицы я обернулась и снова увидела его. Он сидел неподвижно за тем же столиком и, запрокинув голову, глядел на деревья.

Юлиус ждал меня в моей маленькой гостиной, пока я срочно переодевалась и красилась в ванной. Я тщательно заперла дверь. Будь на его месте кто-нибудь другой, я оставила бы щелку, чтобы можно было разговаривать. Но последнее заявление Юлиуса, его разговор о женитьбе, разбудили во мне рефлекс пугливой девственницы. Полное отсутствие опасности настораживало меня еще больше. Раздражало еще и другое: так как я не старалась понравиться людям, к которым шла в гости, то мне не нравилась и мое отражение в зеркале. Так что мое настроение было далеким от радужного, когда я вошла в салон Ирен Дебу. Она тут же рванулась к нам, восхищаясь моим загаром и высказывая озабоченность бледностью Юлиуса. Похоже, она хотела сказать, что любовные эскапады на заброшенных островах уже не для Юлиуса. Конечно, это было довольно некрасиво с ее стороны, а скорее всего проблема существовала только в моем воображении, но я тотчас вышла из себя. Меня перевели с роли тихой содержанки на роль женщины-вамп. Это было, конечно, интереснее, но все равно этот персонаж был мне не по душе. Я бросила взгляд в салон и с тоской узнала

большинство лиц. Мне казалось, что они выражали любопытство и иронию. Решительно, я превращалась в сумасшедшую, страдающую манией преследования. Заметив мой взгляд, мадам Дебу тут же предупредила, что «к сожалению, дорогого Дидье с ними нет: у него семейный ужин». На мгновение я представила себе их обоих, Дидье и Луи. Вот они бродят по Парижу, счастливые от того, что сегодня они свободны от общества. Я дико позавидовала им. А что делаю тут, в компании злобных старикашек, я? Тут я, конечно, слегка переборщила. Средний возраст компании был не так уж велик, а чувства не так низки. Напротив, в тот вечер общество охватило некое чувство всеобщего удовлетворения. Еще бы, ведь принимать у себя мадам Дебу было великой честью, а быть приглашенным к ней — еще большей. Это был очень тонкий нюанс, и все о нем знали. А в некоторых парижских домах в тот вечер царили ярость и мрак — их не пригласили. И все же я восхитилась выбором гостей, который сделала Ирен Дебу. Тут во всей красе проявилось ее самодурство. Кое-кто из завсегдатаев был забыт, зато приглашены некоторые соперницы. Знаменитостями пренебрегли, а по салону ходили провинциалы. Не в силах постичь причину отставки или благосклонности, каждый был поражен вдвойне: несокрушимая Ирен Дебу крепко держала в руках скипетр. Подобно истинной государыне, она поступала так, как ей взбрело в голову. Наверное, она сама это чувствовала, а потому была веселее и говорливее чем когда-либо. Она словно умилялась успеху собственной жестокости, и когда одна неосторожная молодая женщина имела несчастье спросить, будут ли сегодня господа X, Ирен Дебу ответила: «Ну уж нет». Ответ прозвучал, как удар гильотиной. И хотя это «ну уж нет» было лишь обычной демонстрацией силы, имена четы X были на целый сезон вычеркнуты из многочисленных светских списков. Все это по привычке промелькнуло у меня в голове, но без обычного воодушевления. Мне делали комплименты по поводу загара, я с улыбкой их выслушивала и чувствовала себя старой. Я вспоминала свои возвращения с каникул, когда была моложе. С каким вызовом и смехом я сравнивала свой загар на руках и лице с загаром моих сверстников, парней и подруг. В те годы я часто выходила победительницей из этих соревнований. Я была помешана на солнце. Но в этот вечер, несмотря на то, что я была бесспорной победительницей, я не испытывала никакой радости. Просто я вернулась не с теннисных кортов и волейбольных площадок Аркашона или Хендея, а из гамака в Нассо, который любезно предоставил в мое распоряжение пожилой богатый поклонник. Я загорела, но не прыгая с мячом, не ныряя, не напрягая мышцы, солнце было спутником усталости и лени. Лишь однажды мое тело напряглось, выплескивая энергию, но и это произошло во тьме, когда я прижималась к красавцу-пианисту. Я чувствовала, что старею. Если все будет хорошо, то через несколько лет я куплю себе тренажер-велосипед, поставлю его в ванную комнату и стану каждый день по полчаса, по часу крутить педали, преодолевая в воображении холмы и равнины. А вдогонку за мной, не отставая ни на секунду, в безнадежности своей будут гнаться воспоминания о моей безрассудной молодости. Я вдруг увидела себя, склоненной над рулем и с усилием нажимающую на педали, и это видение было настолько смешным, что я расхохоталась. Почему все эти люди, солидно устроившиеся на диванах, не в силах посмеяться над самими собой, над этими диванами, над тем, как они сидят на них, над хозяйкой дома и надо мной? Мой собеседник, который в это время расписывал прелести Карибских островов, замолчал и с упреком посмотрел на меня.

— Почему вы смеетесь?

— А почему вы не смеетесь? — парировала я грубо.

— Я не сказал ничего смешного...

Это была чистая правда, но я все равно ничего не объяснила ему. Безнаказанная грубость, даже моя собственная, всегда наводила на меня скуку. Открылись двери гостиной, и мы заняли свои места за столом. Я сидела слева от Юлиуса, который в свою очередь оказался слева от Ирен Дебу.

— Я не хотела вас разлучать, — заметила она. Ее обычное «меццо» заставило вздрогнуть человек десять. Я так презирала ее в эту секунду, что она не выдержала моего взгляда, — а это случалось с ней очень редко, — отвела глаза и улыбнулась в пространство. Эта улыбка предназначалась мне, я ее поняла. Она явно говорила: «Ты ненавидишь меня, ну что ж, я рада за нас обоих». Когда она вновь посмотрела на меня, невинно и рассеянно, я тоже улыбнулась ей и склонила голову в безмолвном тосте, которого она не разгадала. А я просто думала: «Прощай, ибо ты больше не увидишь меня. Мне слишком скучно у тебя с твоими гостями. Вот и все. А для меня скука, это в сто раз хуже, чем ненависть». Хотя, если честно, это прощание вызывало у меня чувство легкого сожаления, потому что, в определенном смысле, ее маниакальная сила, желание мучить, быстрота и ловкость, все то страшное оружие, которое она применяла для достижения столь мелких целей, делало ее очень любопытной личностью. Хотя и вызывало жалость.

Этому ужину, казалось, не будет конца. В гостиной я подошла к окну и вдохнула в себя холодный и горький воздух ночи. Неумолимый воздух одиночества. Он заполнил весь город, навис над спящими, сгустился вокруг одиноких ночных прохожих. Он заставлял мечтать о деревне все эти головы, сморенные сном или алкоголем. Но в этом застывшем салоне, среди застылых гримас этот жесткий и вечный ветер, прилетевший из глубин галактики, был моим единственным другом, единственным доказательством моего существования. Когда ветер улегся и волосы снова упали на лоб, мне показалось, что сердце сейчас разорвется и я умру. Умру? А почему бы и нет? Тридцать лет назад мне пришлось принять жизнь из-за того, что какая-то женщина и какой-то мужчина полюбили друг друга. Почему же теперь, тридцать лет спустя, не умереть одной женщине — в данном случае мне, — которая никого не любит и потому не желает дать жизнь новому существу? Как часто самые примитивные рассуждения, рожденные плоской логикой, на поверку оказываются самыми верными! Достаточно взглянуть, до какой степени падения дошло общество, погрязшее в лженауке и лжеморали. Так мои мысли блуждали где-то, но это совсем не мешало: я вовремя отвечала улыбкой на реплики, благодарила, когда мне давали прикурить, вставляла в разговор ничего не значащие слова. Я была далеко от них, но, к сожалению, не выше их. Впрочем, моя отрешенность ставила под сомнение мое понимание этих людей. И действительно, во имя кого и чего их судить? И если в тот вечер я испытывала острую потребность уйти, покинуть их, то объяснить это могла лишь тем, что я задыхалась среди них и уже не могла больше владеть собой. Это правда, я ничего не понимала в правилах их игр, в их успехах и падениях. И не хотела понимать. Нужно было оторваться, отбиться. Этот регбистский термин был тут весьма кстати. Всю юность я играла на первой линии, а в схватке с Аланом держала оборону. Но теперь сердце сдало, и я не хотела больше играть. Я покидала зеленое поле, на котором пожухла трава. Это было мое поле, на нем не было ни судьбы, ни правил. Я была одна. Я была ничем.

Юлиус прервал мои размышления. Он стоял рядом и был мрачен.

— Ужин показался вам слишком длинным, не так ли? Вы сегодня задумчивы.

— Я вдыхала ночной воздух. Я его очень люблю.

— Интересно — почему?

Он был так агрессивен, что я удивилась.

— По ночам кажется, что ветер несется с гор и полей. Он пролетает над свежей землей, деревьями, северными скалами... И... это приятно...

— Он пролетает над землей, в которой гниют миллионы трупов, над деревьями, которые питаются этой землей. Он пролетает над гниющей планетой, над грязными пляжами и пересолёнными морями... И вы находите это приятным, да?

Я в изумлении уставилась на него. Я в общем-то никогда не приписывала ему склонность к лирике. Но даже если бы и попробовала, то лирика вышла бы весьма условной: ледники, эдельвейсы, стерильная природа. Но то, что я услышала, было для меня неожиданностью. Влечение к отвратительному как-то не вязалось в моем воображении с образом преуспевающего делового человека. Решительно, я мыслила стереотипно и примитивно. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Говорю вам, планета больна. А этот салон, который вы так презираете, всего лишь нарыв на теле, которое уже разлагается. Причем не самый страшный нарыв, уверяю вас.

— А вы весельчак, — пробормотала я.

— Нет, — ответил он. — Я не веселый человек. И никогда им не был.

И он удалился, оставив меня сидеть на софе. Я смотрела на его прямой силуэт, на очки, стекла которых отражали свет. И не было ничего общего между Юлиусом А. Крамом, что лежал на песке, жалуясь на одиночество, и тем человеком, который пересекал сейчас салон. Стремительный, холодный, презрительный, он сейчас как никогда вызывал во мне страх. Люди пак обычно расступались перед ним, и теперь я очень хорошо понимала почему.

14

На следующий день около пяти часов вечера мне передали, что у входа в редакцию меня ждут мужчина и собака. Я бросилась вниз. Это были действительно они: мужчина и собака. Один держал другого на руках. Они стояли напротив стеклянной двери против солнца. Я вышла к ним и тут же оказалась в вихре шерсти и визга. На какое-то мгновение я прижалась к Луи, и в этот миг мы трое, наверное, представляли собой очень дружную семью, застывшую в минуту прощания или встречи на перроне вокзала. Щенок был желто-черный, с толстыми лапами. Он, не переставая, лизал меня, словно все два месяца, то есть с самого рождения, ждал встречи со мной. Луи улыбался, а я была так рада и довольна, что в порыве поцеловала его тоже. Щенок вдруг принялся неистово лаять, и все сотрудники журнала вышли из кабинетов, чтобы взглянуть на него. Когда схлынул шквал привычных эпитетов «Какой маленький, какие толстые лапы, да он вырастет в огромного пса...», после того как щенок вволю порезвился на рабочем столе изумленного Дюкре, Луи, наконец, взял дело в свои руки.

— Ему нужно купить ошейник и поводок. Еще мисочку и подстилку. А еще ему надо придумать имя. Пойдемте...

Мне показалось, что это гораздо важнее, чем статья, которая не клеилась с самого утра, и мы вышли из редакции. Луи держал щенка под мышкой, а свободной рукой сжимал мою ладонь. По его походке было сразу заметно, что и у меня и у щенка есть причины следовать за ним. Он был на сером «пежо», и мы влезли в него все втроем. Щенок устроился у меня на коленях и с торжествующим видом смотрел мне в лицо.

— Ну что, — спросил Луи. — Наверное, думали, я больше не появлюсь? У вас был удивленный вид, когда вы увидели меня.

На самом деле я вовсе не была удивлена тем, что увидела его. Скорее я была удивлена тем ощущением счастья, которое испытала при виде него. Заметив его за стеклянными дверями, со щенком на руках, я испытала вдруг удивительное чувство, будто нашла свою семью. Но об этом я ему ничего не сказала.

— Нет, я была уверена, что вы придете. Вы не из тех людей, которые бросают слова на ветер.

— А вы хороший психолог, — отозвался он со смехом.

Нам пришлось проехать полгорода, чтобы добраться до магазина, который он выбрал. Париж был мягким и голубым. Он как бы тихо ворчал. Я была вся в собачей шерсти, но очень довольна. Мы выпустили щенка немного побегать по площади Инвалидов. Он, гонялся за голубями и раз десять обмотал поводок вокруг моих ног. Словом, он сразу убедил нас в своей бьющей через край жизнерадостности. Меня раздирал ужас и смех одновременно. Что я буду с ним делать? Луи насмешливо посматривал на меня. Паника, которая тихо поднималась во мне, явно веселила его.

— Ну вот, — сказал он, — теперь на ваши плечи легла настоящая ответственность. Придется все решать за него. Это изменит вашу жизнь, не так ли?

Я взглянула на него подозрительно. Я спрашивала себя, не намекает ли он на Юлиуса, на мое положение жертвы, на вечную попытку убежать. Мы пришли домой. Я познакомила щенка с консьержкой. Последняя явно не испытывала восторга от появления в доме нового жильца. Мы расположились в комнате, и щенок тут же принялся грызть обивку дивана.

— Что вы собирались делать сегодня вечером? — спросил Луи.

Форма вопроса обеспокоила меня. Ведь я должна была идти с Юлиусом и Дидье на один закрытый просмотр. Теперь я видела лишь два выхода: взять щенка с собой или оставить дома. Луи тут же решил пресечь мои сомнения.

— Если вы оставите его одного — он будет выть, — сказал он. — Да и я тоже.

— Как это?

— А вот так. Если вы нас бросите сегодня вечером, его и меня, то он начнет выть, а я вместо того, чтобы его успокаивать, буду плакать вместе с ним. А завтра хозяйка выставит вас за дверь.

— А других идей у вас нет?

— Есть. Я сейчас пойду за покупками. Мы откроем окно, потому что стоит прекрасная погода, а потом втроем поужинаем. Здесь. Спокойно. Должны же мы с щенком немного привыкнуть к новой жизни.

Конечно, он шутил. Но у него был такой решительный вид... Я пыталась сопротивляться.

— Мне нужно позвонить, — бормотала я. — То, что я собираюсь сделать, очень невежливо.

Но, говоря это, я прекрасно понимала, что не представляю себе другого вечера, нежели тот, который он только что описал. У меня, наверное, был настолько смущенный вид, что он расхохотался.

— Давайте, звоните, а я пойду куплю собачьих консервов на всех троих.

Он исчез. Несколько секунд я сидела, не зная, что делать. Щенок подбежал ко мне и взобрался на колени. Он стал кусать мои волосы, и минут десять я смотрела на него и рассказывала, какой он хороший, красивый и умный. Словно плохой воспитатель, который только и умеет, что портить детей. Но мне еще нужно было позвонить до того, как вернется

Луи. Когда я услышала в трубке сухое «алло» Юлиуса, то впервые за все наше знакомство, этот голос не успокоил меня, а наоборот привел в замешательство.

— Юлиус, мне очень жаль, но сегодня вечером я не смогу составить вам компанию.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Нет, — ответила я. — У меня собака.

Какое-то мгновение он ничего не говорил.

— Собака? Кто вам дал собаку?

Я удивилась. В конце концов я могла ее купить сама или просто подобрать на улице.

Очевидно, Юлиус считал, что все мои приобретения могут быть лишь подарками, что я лишена какой бы то ни было инициативы. И в данном конкретном случае он не ошибался.

— Брат Дидье, — сказала я. — Луи Дале. Он принес мне щенка в редакцию.

— Луи Дале? — спросил Юлиус. — Ветеринар? Вы что, знакомы с ним?

— Немного, — ответила я неопределенно. — В общем, у меня теперь есть щенок, и я не могу бросить его сегодня вечером. Они будут выть... Он будет выть, — быстро поправила я.

— Но это же смешно, — сказал Юлиус. — Хотите я пришлю мадемуазель Баро посидеть с ним?

— Вашей секретарше незачем сидеть с моей собакой. К тому же щенок должен ко мне привыкнуть.

— Послушайте, — сказал Юлиус. — Все это кажется мне довольно странным. Я заеду через час.

— О, нет, — отказалась я. — Не надо...

Я безуспешно пыталась отыскать лазейку. Ничто бы не могло так капитально испортить сегодняшний вечер, как энергичный и решительный приезд Юлиуса. Щенок непременно окажется в приюте для собак в Нейи, я с Юлиусом окажусь в кино, а Луи... Луи, я была уверена, вернется в деревню, и я больше никогда его не увижу. Тут я поняла, что одна эта мысль была мне невыносима.

— Нет, — сказала я. — Мне нужно многое купить ему, и я сейчас выхожу.

Снова воцарилось молчание.

— А какой он породы, ваш щенок? — спросил Юлиус.

— Не знаю. Он желто-черный. Непонятная порода.

— Надо было сказать мне, что вы хотите собаку. У меня связи среди поставщиков самых породистых собак.

В его голосе слышался укор. А я начинала испытывать раздражение.

— Дело уже сделано, — сказала я. — Юлиус, извините меня, щенок ждет... завтра увидимся.

Он ответил «ладно» и повесил трубку. Я с облегчением вздохнула и отправилась в ванную. Я надела свитер и брюки — для собаки и накрасилась — для мужчины. Я поставила пластинку, открыла окно, выложила на письменный стол три тарелки. Я напевала вполголоса и была очень довольна жизнью. У меня был щенок и очаровательный незнакомец, который собирался нас покормить. Я была свободна и впервые за очень долгое время мне предстояло провести вечер с мужчиной моего возраста, который к тому же мне нравился. С тех пор как я познакомилась с Аланом, мои приключения с мужчинами были похожи на ту историю с пианистом в Нассо. Да, впервые за пять лет мне предстояло свидание, в предвкушении которого сердце трепетно билось.

В десять часов вечера щенок наконец уснул, и Луи наконец рассказал мне немного о себе.

— Наверное, я вам показался очень грубым в день нашего знакомства, — сказал он. — Если честно, то тогда в баре вы мне сразу понравились. А когда я понял, что вы — Жозе, женщина о которой мне столько рассказывал Дидье, то есть женщина, принадлежавшая кругу, который я не выношу, я буквально вышел из себя. Я был просто в бешенстве и повел себя не самым лучшим образом.

Он замолчал и резко повернулся в мою сторону.

— В действительности, как только вы вошли в бар, и я протянул вам газету, я подумал, что в один прекрасный день вы станете моей. А узнав через три минуты о том, что вы принадлежите Юлиусу А. Краму, я буквально обезумел от ревности и разочарования.

— Какой вы быстрый, однако.

— Да, я всегда все делаю быстро, даже слишком быстро. Когда мои родители умерли, оставив нам с братом свое мебельное дело, я решил предоставить Дидье заниматься им. И вопросы рекламы и вопросы коммерции... Я выучился на ветеринара и удрал в Солонь. Там я чувствую себя гораздо лучше. А Дидье слишком любит Париж, галереи, выставки и всех этих людей, которых я не выношу.

— В чем вы их упрекаете?

— Да в общем-то ни в чем. Они мертвецы. Они живут за счет своего состояния, играют какие-то роли... Я считаю их опасными. Если часто общаешься с ними, становишься их пленником. Грустно.

— Их пленником становишься только в том случае, если зависишь от них, — сказала я.

— Всегда зависишь от людей, с которыми живешь. Вот почему я ужаснулся, когда узнал, что вы близки с Юлиусом А. Крамом. Это очень холодный и в то же время неистовый человек...

Я перебила его.

— Во-первых, я не близка с Юлиусом А. Крамом.

— Теперь я верю этому, — сказал он.

— А потом, — добавила я, — он всегда был безукоризнен по отношению ко мне, мил и бескорыстен.

— В конце концов я действительно поверю, что вам все еще двенадцать лет, — сказал он. — Я вот все думаю, как объяснить вам, как заставить понять, какая опасность вас подстерегает. И не знаю как. Но все равно я докажу.

Он протянул руку и привлек меня к себе. Стук моего сердца заглушал все остальные звуки. Он заключил меня в свои объятия и прижался щекой к моему лицу. Я чувствовала, как он дрожит. Потом он поцеловал меня. Тысячи фанфар желаний заиграли, тысячью тамтамов застучала кровь в наших венах, и тысяча скрипок наслаждений затаили для нас вальс. Позже, ночью, лежа рядом, мы шептали нежные слова, жалели, что не встретились двадцатью годами раньше и удивлялись, как это мы жили до сих пор друг без друга. Щенок продолжал спать на столе. Он был таким же невинным, как и мы теперь.

15

Я любила его. Я не знала почему, почему именно его, почему так быстро, так сильно, но я любила его. Мне хватило одной ночи, чтобы жизнь превратилось в то самое райское яблоко, такое налитое и сладкое. А когда он уехал, я ощутила себя отрезанной половинкой

этого яблока, чувствительной лишь к нему и ни к кому другому. Одним прыжком я перемахнула из королевства одиночества в королевство любви. И странно, что ничего не изменилось: мое лицо, имя, возраст... Я никогда толком не могла понять, что же я такое. Теперь я потерялась окончательно. Я знала лишь, что влюблена в Луи, и удивлялась, что люди не вздрагивают при виде меня, не догадываются об этом с первого взгляда. Во мне снова обитал этот живой, независимый дух — я сама. Вновь появился смысл. Смысл во всем: в шагах, дыхании, мыслях, жизни. Когда я думала о нем, а думала о нем я всегда, мне хотелось заняться с ним любовью. И именно ради этого ожидания я ухаживала за своим телом, потому что оно нравилось ему. Дни и цифры тоже обрели смысл: я знала, что он уехал во вторник девятнадцатого и вернется в субботу двадцать третьего. Погода также имела значение, потому что если будет тепло, дорогу не развезет и его машина не застрянет в пути. Еще имело значение, чтобы между Солонью и Парижем не было заторов, чтобы рядом со мной всегда был телефон, из которого в один прекрасный миг донесется его спокойный, требовательный или взволнованный, счастливый или печальный, но ЕГО голос. Все остальное не имело значения. За исключением щенка, который стал таким же сиротой, как и я. Только он легче переносил разлуку — вот и все.

Щенок поставил Юлиуса А. Крама в тупик. Для того, чтобы определить его родословную, сказал он, понадобился бы сыщик и длиннущее расследование. И все же, когда щенок в знак симпатии порвал Юлиусу шевиотовые брюки, он, кажется, смягчился. И так как мы шли ужинать в один из тихих ресторанчиков с Дидье и еще какими-то знакомыми, он решил пригласить и собаку. По крайней мере, ему так казалось, ведь на самом деле решение приняла я. Юлиус в тот день был очень изысканным, знакомые оказались веселыми, а еда прекрасной. Ну, а что касалось Дидье, то он родился братом своего брата, и этим было все сказано. Единственное, я должна была вернуться к половине двенадцатого, потому что в полночь должен был звонить Луи и я хотела лежать в это время в постели, как я говорила, «на своем месте». Я хотела болтать с ним в темноте столько, сколько он пожелает.

— Странная идея возникла у вашего брата, — сказал Юлиус Дидье, указывая на щенка. — Я и не знал, что он знаком с Жозе.

— Месяц назад мы пропустили вместе по стаканчику, — пояснил Дидье.

Он явно чувствовал себя неловко.

— И он тут же пообещал вам принести щенка?

Юлиус улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

— Нет. Однажды я случайно встретила его на улице, у цветочного магазина. Там была собака, в магазине. Ну, мы и поговорили о цветах и собаках. Луи сказал, что надо прихватить розу, собаку и...

— Так что, это собака из цветочного магазина? — спросил Юлиус.

— Да нет, конечно, — бросила я с раздражением.

Оба в замешательстве посмотрели на меня. На первый взгляд все в этом рассказе было неясно. Но не для меня. Для меня все было проще простого. Я встретила Луи, он подарил мне собаку, и я полюбила его. Все остальное было литературой. У меня был мужчина-брюнет с карими глазами и черно-желтый щенок с черными глазами. Я пожала плечами, и они прекратили расспросы, очевидно, поняв, что никакого толку все равно не будет.

— Ваш брат Луи по-прежнему любит деревню? — спросил Юлиус Дидье. Затем он повернулся ко мне. — Я немного его знаю — хороший парень. Но что за странная мысль

бросить дело в городе... А как поживает его малышка Барбара?

— Мне кажется, они расстались, — ответил Дидье.

— Барбара Крифт, — пояснил мне Юлиус. — Дочь промышленника Крифта. Она была без ума от Луи Дале и даже хотела последовать за ним в деревню. Но думаю, что жизнь в деревне с ветеринаром довела бы ее до ручки.

Я улыбнулась с жалостью. Но эта была не та жалость, о которой подумал Юлиус. На мой взгляд, эта Барбара была сумасшедшей, раз поменяла Луи на городскую жизнь. Теперь, наверное, она смертельно скучает, в городе или нет.

— Это Луи оставил ее, — уточнил Дидье с явной гордостью за брата.

— Конечно, конечно, — согласился Юлиус. — Весь Париж знает, что женщины без ума от вашего брата.

Тут он скептически рассмеялся и взглянул на меня с веселой доброжелательностью.

— Надеюсь, дорогая Жозе, что вы не из их числа. Да нет, к тому же я совершенно не представляю вас в деревне.

— Я никогда там не жила, — ответила я. — Я бывала лишь в городах да на пляжах.

Говоря это, я видела простиравшиеся перед собой гектары свежеспаванных полей, леса, траву, колосья пшеницы. Я видела и нас, Луи и себя, идущих между рядами деревьев. Ветер бросал нам в лицо дым костров, на которых сжигали мертвые листья. И мне показалось, что подсознательно я всегда мечтала жить в деревне.

— Ну что ж, — сказал Юлиус. — Теперь у вас есть возможность познакомиться с французской деревней.

Я вздрогнула.

— Вы что забыли, что на выходные мы все едем к Андренанам? А вы, Дидье, помните?

На выходные... да он сошел с ума. Я совершенно забыла о приглашении Андренанов. Это была очень милая пара, старые друзья Ирен Дебу, которые жили вдали от Парижа. Их уединение было чистой воды притворством, и приезжая в столицу — а это случалось не реже ста раз в год, — они не переставали расхваливать прелести одиночества. Они жили за городом только ради своих уик-эндов. Но в субботу должен был вернуться Луи, и нам, наконец, предстояло провести два дня вместе. Эта суббота была так близко и так далеко, что мне хотелось то танцевать, то плакать. Я знала, что у Луи очень широкие плечи и впечатляющий шрам на руке — во время лечения его укусил осел. Когда он это рассказал, мы вместе смеялись минут десять. Я знала, что когда он брился, то всегда резался и что последними из всей одежды надевал носки. Это было почти все, что я о нем знала, естественно, за исключением того, что я его любила. Я думала о множестве вещей, которые мне предстояло еще узнать, о его теле, о его прошлом, характере. И тогда я испытывала нечто вроде жадности и любопытства. Но сейчас мне предстояло найти какое-нибудь извинение. Я никак не могла поехать на этот уик-энд. Конечно, самым простым выходом было сказать: «Нет, эти два дня я проведу с Луи, потому что он мне нравится и мне этого хочется». Только сказать так было невозможно. Я снова чувствовала себя виноватой и злилась за это на себя. В конце концов Юлиус рассказал мне о своих чувствах под влиянием солнечного удара. Он не хотел никакого ответа, и было бы честно рассказать ему правду. Объективно — да, только за ясными и спокойными словами, отражавшими очевидное, таились демоны скрытой правды. И снова я с раздражением обнаружила пустоту за привычными словами — «объективность», «независимость», «дружба», «очевидная ситуация»... А потом, я уже думала, что признавшись Юлиусу (вот, я уже говорила про себя

«признаться» вместо просто «сказать»!), я разбуду в нем такую злобу, такую горечь, такое желание мстить, что мне становилось страшно. Черный ореол, который окружал этого человека, ореол могущества, силы и гипертрофированной чувствительности только усиливал мой страх. А вообще, что он мог мне сделать? У меня была работа, и я ни в какой мере не зависела от него. Я ничем не рисковала. Я могла лишь оскорбить, обидеть его. И если это последнее было настолько серьезным, что смущало меня, то все же не настолько, чтобы приговорить к молчанию, склонить к той полуправде, которая владела мною последние три дня. Жизнь превратилась в автомагистраль, залитую обжигающими лучами страсти. И я не желала, чтобы на нее падала хоть одна тень.

Но все эти вопросы вылетели у меня из головы в полночь, когда я услышала в трубке голос Луи. Он спрашивал, люблю ли я его, и в голосе его слышались недоверие и победа. Он говорил: «Ты любишь меня?» — и это означало: «Невозможно, чтобы ты не любила меня, я знаю, что любишь, но почему? Разве бы ты смогла не любить меня? Я люблю тебя»... Я хотела спросить, где он находится, расспросить, как выглядит его комната, куда выходят окна, что он делал днем... Но не могла... Конечно, я спрошу обо всем этом позже, когда его присутствие будет более реальным, настоящим, нежным. По крайней мере не таким острым, каким его делает память. Ведь пока он оставался для меня мужчиной одной ночи. Я видела его в темноте больше, чем при свете дня. Он был для меня горячим телом, опрокинутым профилем, силуэтом на заре. Он был тепло, тяжесть, три взгляда, четыре фразы... Прежде всего — он был любовник. Но я не могла вспомнить, какого цвета его свитер, машина, я не могла вспомнить, как он сидит за рулем, как тушит в пепельнице окурки. Я даже не знала, как он спит, потому что мы почти не спали. Но зато я помнила его лицо, голос в минуты наслаждения. Но и тут, в этом королевстве, огромном королевстве страсти, я знала, нам предстояло множество открытий. Прижавшись друг к другу, нам предстояло преодолеть тысячи гектаров полей и лугов, загушить тысячи пожаров, нами же и зажженных. Я знала, что оба мы будем ненасытны и не представляла себе, что может наступить час, когда мы сможем хоть чуть-чуть утолить этот голод. Он говорил: «В субботу» — и я повторяла: «В субботу». Мы были словно два потерпевших кораблекрушение, в неистовстве повторявших «земля», или же как два осужденных на вечные муки грешника, в восторге призывавших ад; И он приехал в субботу в полдень и уехал утром в понедельник. И был рай, и был ад. Каждый из нас лишь два-три раза спустился вниз, чтобы выгулять щенка, и это были, наверное, единственные минуты, когда мы видели солнце. Я узнала, что он предпочитает Моцарта Бетховену, что в детстве он часто падал с велосипеда и что он спит на животе. Я узнала, что он странный, а иногда бывает и грустным. Я узнала, что он очень нежный. За эти два дня телефон настойчиво звонил раз десять, но я решила не поднимать трубку. Когда он прощался со мной, я прижалась к нему, качаясь от усталости и счастья, и попросила ехать осторожно.

— Обещаю, — сказал он. — Ты же прекрасно знаешь, что теперь я не могу умереть.

Он прижимал меня к себе.

— Скоро, — добавил он, — я куплю большой автомобиль, медлительный и надежный, как грузовик. Ну вроде того «даймлера», который стоит ночами под твоими окнами.

16

Собравшись с силами, я послала в пятницу в контору Юлиусу телеграмму очень смутного содержания. В ней было: «Не могу приехать на уик-энд тчк Объяснение следует тчк Тысяча сожалений тчк Жозе». Теперь оставалось лишь найти это объяснение. В тот

момент, когда я отсылала телеграмму, никакого объяснения у меня не было. Это происходило накануне приезда Луи, и ощущение счастья лишило меня всякого воображения. Теперь жажда счастья была утолена и одновременно усилилась вдвое, а в голове было так же пусто. Присутствие «даймлера» под окнами, если согласиться с тем, что это был автомобиль Юлиуса, и вся эта слежка нисколько не волновали меня. Шофер, если опять же предположить, что он там находился, мог доложить, что несколько раз я выходила гулять с собакой. Правда, он видел эту черно-желтую собаку и с мужчиной. В конце концов я решила сказать Юлиусу, что должна была уехать под Париж к своим старым друзьям. Или он мне поверит или нет. Во втором случае он поймет, что я лгу, и прибегнет к тем знаменитым контрдопросам, секрет которых знал только он. Все это, конечно, закончится сценой, полной упреков, одним словом, объяснением, после которого все вздохнут с облегчением, и я первая. Короче, я предпочитала быть пойманной на лжи, чем говорить правду. Я собиралась уходить, когда зазвонил телефон. Звонили из Нью-Йорка. Я тут же узнала в трубке голос свекрови. Повелительный и гнусавый, он вызвал во мне беспокойство, и я лихорадочно спрашивала себя, что еще мог выкинуть Алан.

— Жозе, — сказала моя свекровь. — Я звоню вам по поводу развода. Естественно, Алан согласился сделать для вас все возможное. И я тоже, конечно. Вот только ваш адвокат... Он сбивает нас с толку. Вы что, больше не хотите разводиться?

— Конечно, хочу, — ответила я, оторопев. — А в чем собственно дело?

— Этот господин Дюпон-Кормей, адвокат господина А. Крама, согласен со всем, включая сумму денежного содержания, но он до сих пор не прислал необходимых бумаг. В конце концов, Жозе, вам нужны деньги или нет?! Впрочем, — быстро добавила она, — если нет — это тоже неплохо.

— Я абсолютно не в курсе дела, — сказала я. — Я все узнаю.

— Я рассчитываю на вас. А если у вас возникнут срочные дела с людьми менее *flair play*, чем мы, то мой вам совет: смените адвоката. Такое впечатление, что он считает неприличным то, что мы хотим как-то обеспечить вас. Но тысяча долларов в месяц не такие уж сумасшедшие деньги.

А я придерживалась противоположного мнения. Едва поблагодарив, я пообещала заняться этим делом и положила трубку. Я была заинтригована. Особенно меня удивляло то, что адвокат Юлиуса, который по всей логике должен быть тертым калачем, вел себя как баран с такой хитрой лисой как моя свекровь. А потом я забыла обо всем.

Таксист согласился посадить меня с собакой, и я поздравила себя. В метро и в автобус ход нам был заказан, и оставалось лишь такси. Если бы попался несговорчивый шофер и нас бы не посадили, пришлось бы идти пешком. Ничего страшного, но тем утром это бы обессилило меня вконец. Мне казалось, что на одном поводке я вела своего толстого и неуклюжего пса, а на другом — воспоминания о Луи, об этих двух днях. И эти воспоминания были похожи на огромного сторожевого пса, сильного и норовистого. Дюкре ждал меня, вернее, его секретарша перехватила меня по пути и препроводила в его кабинет главного редактора. Дюкре был человеком незаметным и спокойным, но в тот день у него был довольный вид. Он был даже возбужден, и это меня порадовало. Человек мягкий и застенчивый, он страстно любил свой журнал, которым руководил вот уже восемь лет и который все эти восемь лет доставлял ему немалые финансовые трудности.

— Дорогая Жозе, — сразу начал он. — У меня есть для вас замечательная новость. Если это, конечно, для вас новость. Дело вот в чем. Теперь мы собираемся издавать журнал не на

тридцати двух страницах, как раньше, а на шестидесяти четырех. Конечно, он будет преобразован, расширится, улучшится... Короче, мы хотим попытаться сделать нечто иное, чем журнал для узкого круга ценителей.

— Это прекрасно, — ответила я совершенно искренне. Журнал мне нравился и своей серьезностью, и своей свободой. И еще, конечно, тем, что мало-помалу сотрудники редакции приняли меня в свою команду.

— Если все получится так, как мы того желаем, — продолжал Дюкре, — то у меня есть мысль предложить вам иную должность, связанную, естественно, с большей ответственностью. Я принял это решение, во-первых, потому что очень уважаю вас, а во-вторых, потому что именно благодаря вам стали возможны все эти изменения, о которых я давно мечтал.

— Я ничего не понимаю, — удивилась я.

Несколько секунд он смотрел на меня с недоверием, а потом улыбнулся и подтвердил:

— Но это правда. Вы должны быть вдвойне счастливы, потому что ваш друг Юлиус А. Крам предложил финансировать наш журнал.

Несколько мгновений я сидела не в силах понять, что произошло, затем резко вскочила, подбежала к Дюкре и поцеловала его в лоб, правда, тут же извинилась, но он уже смеялся вместе со мной. Он был очень доволен.

— Это слишком прекрасно, — сказала я. — Я так счастлива, за вас, за всех, за себя... Какая это будет радость для всех! Юлиус замечательный человек. Действительно, — добавила я с присущей мне беспечностью, — счастье никогда не приходит одно.

Он вопросительно посмотрел на меня, но я отмахнулась от каких-либо объяснений.

— Когда это стало известно? — спросила я.

— Сегодня утром. Естественно, я встретился с Юлиусом А. Крамом, — он сделал неопределенный жест, тоже избавляя себя от объяснений, которые крылись под этим «естественно». — Он позвонил мне утром и сказал, что считает для себя очень интересным и занятным сотрудничество с таким серьезным журналом, как наш. Он также спросил меня, хочу признать, очень деликатно, считаю ли я возможным более активное ваше участие в работе редакции. Если бы он вложил в этот вопрос хотя бы один нюанс обязательности, или, если бы я не знал, что вам нравится эта работа, я бы отказал, но, к счастью, это не так. Дорогая Жозе, я хочу поручить вам весь отдел скульптуры и живописи, вам и Максу. И я уверен, что эта работа захватит вас, не говоря о том, что и ваше материальное положение улучшится.

— Мне очень приятно слышать это, — ответила я.

И действительно, мне было очень приятно. Значит, «даймлер», который стоял под моими окнами не предвещал ничего плохого. Значит Юлиус начинал серьезно относиться ко мне как к журналисту, то есть — независимой женщине. И еще, это значило, что Дюкре, человек во всех отношениях бескомпромиссный, когда вопросы касались работы, был доволен мной. Теперь у меня не только ожило сердце, но и голова снова начала думать.

— Итак, возражений нет? — спросил Дюкре.

Я подняла брови.

— Какие могут быть возражения?

— Просто я хочу быть уверенным, — сказал он. — И еще... Я хотел сказать вам, что, если по какой-либо причине, которая меня не касается, вы вдруг решите отказаться от должности, это обстоятельство никак не повлияет на наши отношения.

Я совершенно не поняла, что он хотел сказать. Скорее всего, он принадлежал к той когорте несчастных простаков, которые считали, что мы с Юлиусом связаны интимными узами. К когорте глухих слепцов, которые не знали о существовании Луи.

— Никаких сложностей этого рода не существует, — сказала я с тем целомудренным видом, который дает сознание разделенного чувства. — Мне кажется, нам следовало бы выпить шампанского.

Десять минут спустя восемь интеллектуалов, в число которых я внесла и себя, две секретарши и собака заполонили ближайшее кафе и распили три бутылки шампанского за будущее великого журнала. Дюкре засыпали вопросами о таинственном вкладчике. В ответ он лишь улыбался и говорил о некоем друге, время от времени он бросал на меня вопросительные взгляды, но благодаря радости и выпитому шампанскому, они вскоре превратились в дружественные и теплые. Потом я позвонила Дидье, предложила ему бросить все дела и позавтракать со мной в Шарпантье.

— Нет, не может быть! Я так рад!

Мы сидели друг против друга, и я только что рассказала ему о своей любви к Луи, о его любви ко мне. Дидье был счастлив и одновременно изумлен.

— Луи хотел, чтобы мы вместе рассказали вам, — сказала я, — но мне показалось, что ждать целую неделю и молчать, никому ничего не говоря, — это слишком. В конце концов он разрешил мне все вам рассказать. — Когда я вспоминаю, — сказал Дидье, — когда я вспоминаю, как он разозлился на вас во время той первой встречи... А вы на него...

— Он думал, что я любовница Юлиуса, — весело заявила я. — Ему это очень не понравилось.

— Я же ему сказал, что это не так, — подхватил Дидье. — Но он обозвал меня болваном. Хотя если честно... то в это трудно поверить, то есть не поверить. А Юлиус в курсе?

— Нет, еще нет, но я на днях ему все расскажу.

— Не очень-то у него был веселый вид на уик-энде у Апренанов, — сказал Дидье. — Я бы даже сказал, он был вне себя.

— Да нет, совсем нет, — сказала я. — Он не только не разозлился, но даже позвонил сегодня утром Дюкре, моему дорогому редактору, и предложил финансировать журнал. Ему показалось забавным потратить немного своих капиталов на благое дело. Вы не находите это замечательным? Милый Юлиус...

Я была полна нежности.

— Милый Юлиус, — задумчиво повторил Дидье. — Впервые слышу, что Юлиус А. Крам заинтересовался делом, которое не приносит дохода.

Неожиданно он нахмурился и раздавил ложкой картофелину в тарелке.

— А вы не подумали о том, что Юлиус таким образом пытается удержать вас?

— Нет, он не так глуп. Но как бы то ни было, Дюкре заверил меня, что это не играет для него никакой роли, что он и без того доволен моей работой. Дидье, мой милый деверь, вы, наверное, еще не поняли: я люблю Луи, и у меня есть профессия.

Он поднял глаза, затем неожиданно беззаботно махнул рукой, поднял свой стакан и чокнулся со мной.

— Я пью за вас, Жозе, — сказал он. — За вашу любовь, за вашу работу.

Затем мы немного помечтали на главную тему нашего разговора, то есть о Луи. Я узнала, что он был образцовым братом, понятливым и не склочным. На него во всем можно

было положиться, найти дружескую поддержку. Еще я узнала, что ему всегда не везло с женщинами. Ему вечно попадались такие, которые и в подметки ему не годились. По крайней мере так утверждал Дидье. Он сказал — правда, я это уже знала, — что, по всей видимости, мы просто созданы друг для друга.

— Но как вы выкрутитесь, — добавил он, — работать в Париже и жить в деревне?

— Там видно будет, — ответила я. — Всегда можно найти компромисс.

— Предупреждаю: Луи не любит компромиссов.

Я знала это и была счастлива.

— Но мы найдем, мы обязательно найдем... — весело повторяла я.

Стояла как никогда хорошая погода. Я еще чувствовала на шее легкий ожог от ночного укуса Луи. От выпитого натошак шампанского все казалось удивительно мягким и легким. Я держала через стол руку Дидье и была на вершине счастья. Через пять дней наступит пятница, а в пятницу наступит вечер, я сяду в поезд и отправлюсь к Луи в Солонь. Я увижу его дом, его животных, пойму его жизнь и буду там укрыта от всего на свете.

В тот же день мы опять встретились с Дидье. На этот раз мы были с Юлиусом и ужинали в ресторане. Было очень весело. Казалось, Юлиус в не меньшем восторге, чем я, от своей идеи заняться журналом. А я пообещала ему, что журнал принесет ему в два раза больший доход, чем все его прежние дела. Он признался нам, что уже давно мечтал заняться чем-нибудь иным, кроме биржи. Он даже попросил нас способствовать его культурному воспитанию. Короче, он очень элегантно перешел от роли мецената к роли благодарного неуча. Ему скучно, как бы утверждал он, а искусство его интересует, и он желал бы с нашей помощью развлекаться, одновременно расширяя свои знания. Вскользь он задал мне пару вопросов по поводу прошедшего уик-энда. Я отделалась тем, что сказала будто иначе поступить не могла, и к моему удивлению, он не стал настаивать на подробностях. Похоже, даже Дидье пришлось согласиться, что он мог и ошибаться на счет Юлиуса. Он сказал, что благодаря мне увидел в Юлиусе некую бескорыстность, которой раньше не замечал. Неделя прошла очень быстро. Луи звонил мне, я звонила Луи. Мы составляли макет нового журнала. Дидье повсюду сопровождал меня. По вечерам я рассказывала ему и Юлиусу о наших проектах. В четверг мы ужинали уже вчетвером, к нам присоединился Дюкре. Кажется, он тоже был покорен деловым спокойствием, благородностью и отсутствием интеллектуальных претензий у Юлиуса А. Крама. В тот вечер я решила сообщить Юлиусу, что уезжаю на выходные к Луи. Далю в деревню, но вечер был таким славным, а все так веселились, что, садясь в машину, я так и не решилась пуститься в деликатные объяснения. Я лишь сказала, что вместе с Дидье отправляюсь за город, и это было частью правды, потому что последний решил сопровождать меня в поездке. Юлиус только и сказал: «До встречи в понедельник, и не забудьте, что в этот день мы ужинаем с Ирен Дебу». В его голосе не звучало ни капли горечи. Я видела, как исчезает в темноте его лысеющий затылок, который едва выступал за спинку сиденья. Смотря вслед удалявшемуся автомобилю, я вспомнила, как этот же затылок, там в Орли, предстал мне в виде символа дружеской поддержки. А теперь я с горечью отметила, что он преобразился в символ одиночества.

Поезд свистел как сумасшедший, а мы покачивались в такт его скорости. Но мне все казалось, что он стоит на месте, а железнодорожники специально бегут вдоль вагонов, пригнув голову и размахивая флажками, чтобы обмануть нас, ввести в заблуждение и

заставить поверить, будто мы движемся. В середине пути мы сделали пересадку, и я, до сих пор так любившая пригородные поезда, теперь с тоской вспоминала те экспрессы, которые с нечеловеческой молниеносной быстротой доставили бы меня в долгожданный порт. А этим портом был Луи. Попытавшись развлечь меня по очереди кроссвордом, джином и политическими новостями, Дидье в конце концов раскрыл детективный роман и погрузился в мир призраков. Время от времени, напевая «Жизнь в розовом», он отрывался от книги и с усмешкой поглядывал на меня. К семи часам тени от деревьев стали невероятно длинными. Сельский пейзаж был прекрасен.

Наконец, наш вагон притормозил и остановился у самых ног Луи, который, едва я вышла, тут же заключил меня в свои объятия. Дидье спустил на перрон багаж и щенка, затем мы все трое устроились в открытом «пежо». Прежде чем двинуться, Луи оглянулся и с улыбкой посмотрел на нас троих. Я знала, что никогда не забуду эту минуту: маленький безлюдный вокзал, купавшийся в лучах заходящего солнца, эти два лица, такие похожие и такие различные, повернутые в мою сторону, запах деревни, неожиданная тишина после шума поезда и счастье, которое словно кинжалом приковало меня к спинке сиденья. На мгновение все замерло, словно на фотографии, навечно отпечатавшись в моей болезненной памяти. Затем руки Луи опустились на руль, и жизнь вновь пошла своим чередом.

Проселочная дорога, деревня, тропинка, а вот и дом: низкий, квадратный со слепыми от желтого солнца окнами, старое уснувшее дерево и две собаки. Мой щенок тут же вырвался из пут своего детского сна и с лаем бросился к ним. Я испугалась за него, но мужчины лишь пожали плечами, хлопнули дверцами машины и с чемоданами в руках поднялись по ступенькам на маленькое крылечко. У них были одинаковые медлительные и спокойные движения деревенских жителей. В гостиной стоял пузатый плюшевый диван, пианино. Повсюду валялись газеты, было много фужеров. И еще там был огромный камин, который я тут же полюбила, как и готические стулья. Я подошла к балконной двери: она выходила во двор священника, за которым простиралось бесконечное поле люцерны.

— Как здесь тихо, — сказала я обернувшись.

Луи пересек комнату, встал рядом и положил руку мне на плечо.

— Тебе нравится?

Я подняла на него глаза. До сих пор я не смела взглянуть ему в лицо. Я была смущена и робела перед ним, перед самой собой, перед тем, что окружало нас, с тех пор как мы были вместе. К тому же его рука была почти невесомой. Он положил ее как бы нерешительно, как бы сомневаясь. Его лицо слегка исказилось, и я слышала, как он прерывисто дышал. Мы смотрели и не видели друг друга. Я чувствовала, что мое лицо так же обнажено, как и его. Застыв, оно словно кричало: «Это ты, это ты!» Лица, истерзанные любовью, планеты, испепеленные страстью с немymi морями устремленных друг на друга глаз и темной бездной сжатых губ. Лишь слабое биение, голубых вен на наших висках, этот непристойный анахронизм, был напоминанием о тех временах, когда нам только чудилось, что мы живем, любим, спим, ведь мы еще не знали друг друга. И мне лишь казалось, что я понимала, будто солнце горячее, шелк мягкий, а море соленое. Я спала, и мне снилось, будто я живу, а я еще даже не родилась.

«Я голоден и хочу есть», — сказал Дидье и голос его долетел до нас, словно из невыносимой дали. Но он долетел до нас, и мы проснулись. Неожиданно я заметила, что лицо Луи загорело, лишь тонкая белая линия полукругом пересекала этот загар у самых глаз.

— Наверное, ты читал на солнце, — догадалась я.

И он наконец улыбнулся, кивнул головой, отступил немного и сжал мое плечо рукой. До этого наши тела находились в той неподвижности, которая кричит о непреодолимом желании. Они стояли и ждали, как две хорошо выдрессированные охотничьи собаки. Но вот Луи сделал шаг, и они сорвались с места навстречу друг другу. Тесно прижавшись, мы обернулись к Дидье. Он улыбался.

— Я, конечно, не хочу вас обидеть, но у вас такой неуклюжий вид... — сказал он. — И совсем невеселый. Может, нам выпить чего-нибудь... А то у меня такое впечатление, будто я дуэнья в компании испанских жениха и невесты.

А я, которая хорошо знала, что дневная неловкость не что иное как отражение ночной гармонии, что напускная дистанция это всего лишь обратная сторона тайного бесстыдства, я почувствовала гордость и благодарность к этим телам, моему и Луи, столь умело подчинявшимся обстоятельствам под взглядом третьего. Да, наша любовь была подобна прекрасным лошадям, двум скакунам, чистокровным, пугливым, верным, любящим ветер и тьму. Я вытянулась на диване, а Луи достал бутылку виски. Дидье включил проигрыватель и поставил пластинку с музыкой Шуберта. Первый стакан мы выпили очень быстро. Я умирала от жажды и неожиданно почувствовала смертельную усталость. Опустился вечер, и у меня возникло такое ощущение, будто я уже десять лет сижу перед этим камином и слушаю пластинку. Казалось, я уже могла бы наизусть спеть этот незнакомый квинтет. За такие минуты в жизни я была готова сто раз умереть, сто раз обречь себя на вечные муки.

Деревенский ресторан был в трехстах метрах от дома Луи, и мы направились туда пешком. Когда мы возвращались, было уже очень темно, но дорога слабо светилась в бледном свете луны. Спальня Луи была большой и пустой. Он оставил оба окна открытыми, и ночной ветер, пролетая между занавесками, иногда задерживался на нас, освежая и осушая наши тела. Он был легок и внимателен, словно послушный раб, стороживший двух своих братьев, тоже рабов, но состоявших на службе у более безжалостного хозяина.

Послезавтра было воскресенье, и именно это воскресенье местная корова выбрала, чтобы отелиться. Луи предложил нам с Дидье составить ему компанию. Мы с Дидье колебались.

— Пошли, пошли, — звал нас Луи. — Вот уже два дня, как вы наперебой восхищаетесь прелестями деревни. Но это была флора, а теперь настала очередь фауны. Итак, в дорогу.

На предельной скорости мы проделали пятнадцать километров по проселочной дороге. По пути я все время пыталась вспомнить один отрывок из очень красивого романа Вайана, героиня которого, женщина сильная и вместе с тем очень хрупкая, помогала теленку явиться на свет. Но в конце концов, если мне предписано судьбой всю жизнь вести утонченные разговоры об импрессионизме и барокко, а также более реальных капризах природы, то мне следовало ближе познакомиться с этим объектом.

В стойле был полумрак. Одна женщина, двое мужчин и ребенок стояли перед загородкой, за которой раздавалось душераздирающее мычание. К запаху навоза примешивался еще один, непонятный, пресный и терпкий. И вдруг, совершенно неожиданно, я сообразила, что это запах крови. Луи снял куртку, закатал рукава и приблизился к двум мужчинам, которые тут же расступились перед ним, и я увидела за загородкой что-то серо-розовое и липкое, казавшееся продолжением коровы. Корова замычала сильнее, и это продолжение стало больше. Я поняла, что это теленок, и бросилась к выходу, охваченная приступом тошноты. Под предлогом, что мне нужна помощь, Дидье выскочил за мной. Но на самом деле он тоже был охвачен дрожью. Мы посмотрели друг на друга с жалостью, а затем

рассмеялись. И действительно переход от салона мадам Дебу к этому стойлу был слишком резким. Корова издала крик, от которого наши сердца, казалось, готовы были разорваться. Дидье протянул мне сигарету.

— Какой ужас, — сказал он. — Если мой бедный брат именно таким образом хочет примирить меня с мыслью об отцовстве... Лично я туда больше не войду.

А чуть позже мы пошли поглазеть на теленка. Луи вымыл испачканные кровью руки, фермер предложил нам по стаканчику, и мы сели в машину. Луи смеялся.

— Кажется, опыт оказался не слишком убедительным, — сказал он.

— Для меня — убедителен, заявил Дидье. — Никогда не испытывал желания увидеть это. Я все думаю, как ты можешь.

Луи пожал плечами.

— На самом деле, эта несчастная корова не так уж нуждалась во мне. Я был бы необходим лишь в том случае, если б что-нибудь пошло не так. Ну, иногда приходится штопать и...

— О! Замолчи! — воскликнул Дидье. — Пощади нас.

Из чистого садизма Луи бросился описывать подробности одну ужаснее другой. Мы вынуждены были заткнуть уши. В лесу мы остановились у самого пруда. Мужчины стали кидать мешки, которые долго прыгали по воде, прежде чем утонуть.

— Жозе не рассказала тебе еще о последнем чудачестве Юлиуса А. Крама? — поинтересовался Дидье.

— Нет, — ответила я. — Напрочь забыла.

В этот момент Луи как раз собирался бросить камень и стоял чуть пригнувшись. Не меняя позы, он обернулся и спросил:

— И что же это за чудачество?

— Юлиус решил финансировать журнал, в котором работает Жозе, — объявил Дидье. — И эта молодая женщина, которая только что смотрела, как телится корова, скоро будет решать судьбы современной живописи и скульптуры.

— Ты смотри, надо же... — проговорил Луи.

Затем он резко дернул рукой и камешек, прежде чем исчезнуть, подскочил раз пять или шесть по стеклянной глади озера.

— Неплохо, — отметил он, довольный собой. — Это большая ответственность, не так ли?

Он взглянул на меня, и неожиданно мои смутные будущие обязанности предстали передо мной полными суетного тщеславия и опасности. По какому праву я согласилась выносить приговор творениям других, если сама не была уверена в собственном мнении? Я просто сошла с ума. И взгляд Луи заставил меня понять это.

— Дидье представил все немного иначе, — сказала я. — На деле я не буду заниматься критикой. Я буду лишь говорить о том, что мне нравится, что меня восхищает.

— Ты сумасшедшая, но вовсе не поэтому, — сказал Луи. — Неужели ты не отдаешь себе отчета, что за твои слова, как впрочем и за молчание, тебе будет платить Юлиус А. Крам?

— Нет, Дюкре, — возразила я.

— Он будет платить посредством Дюкре, — поправился Луи. — Ты не можешь на это согласиться.

Я смотрела на него, смотрела на Дидье, который опустил глаза, смутившись, что коснулся этой темы. Я занервничала. Как тогда, в «Пон-Руаль», я вдруг увидела в нем врага,

судью, пуританина. Моего прекрасного возлюбленного больше не было.

— Вот уже три месяца я работаю в журнале, — сказала я. — Может быть, мне не хватает опыта, но я зарабатываю этим на жизнь, к тому же эта работа мне нравится. Мне глубоко плевать, кто мне платит Дюкре или Юлиус.

— А мне не наплевать, — ответил Луи.

Он нагнулся и подобрал с земли камешек. У него было жесткое лицо. Мне пришла в голову глупая мысль, что сейчас он запустит этим камнем мне прямо в лицо.

— Все думают, что я любовница Юлиуса, — сказала я. — Во всяком случае все думают, что он меня содержит.

— Такое положение вещей тоже должно измениться, — прервал меня Луи. — И как можно скорее.

Но что в конце концов он хотел изменить? Париж — большой город. Никакой четкости, лишь смутные уловки и кажущиеся реалии питали его среду. Но я, я принадлежала Луи и только ему. И он знал об этом. Или же он хотел, чтобы я восхищалась только им одним? Неужели он хотел, чтобы я отказалась от своих одиноких прогулок по музеям, выставкам и улицам города? Неужели он был не в силах понять, что некий голубой оттенок на холсте или некая форма восхищает меня не меньше, чем новорожденный теленок? Так же как под его взглядом я ощущала себя более живой и настоящей, я видела природу ярче и полнее через взгляд художника. Неужели я вырожденка, синий чулок, или у меня слишком много претензий? Во всяком случае с меня было довольно. Мне уже не восемнадцать лет, и я больше не ищу Пигмалиона, пусть даже в лице ветеринара. Я стояла и переживала эти мысли, глядя на дорогу, которую не видела. Луи взял меня за руку.

— Не нервничай, — сказал он. — Всему свое время.

Затем он улыбнулся мне, и я улыбнулась в ответ. В это мгновение я поклялась себе навсегда остаться рядом с ним и посвятить свою жизнь разведению коров. Очевидно, Дидье, который все это время не проронил и слова, почувствовал перемену в моем настроении и, облегченно вздохнув, принялся насвистывать «Жизнь в розовом». В этот вечер и эту ночь, если, конечно, у нас будет время, если наши тела, столь жадные до наслаждения, столь боящиеся разъединиться, оставят нам время, мы поговорим об этом. Но в своей трусости и сладострастии, я уже понимала, что ни я, ни он — мы не позволим проскользнуть между нами ничему, ни единому слову, если, конечно, это не будут слова любви.

18

— Я не могу ехать в Лондон, — сказала я. — Я не могу уехать завтра.

— Пойдите, — ответил Юлиус. — В пятницу, субботу и понедельник торги в Сотбисе. А так как Дюкре настаивает, чтобы именно вы поехали на...

Мы сидели на террасе у «Александра», и к нам только что присоединилась Ирен Дебу.

— Вы не любите Лондон? — спросила она. Между тем это очень красивый город, а аукционы Сотбис представляют собой очень волнующее зрелище. Возьмите с собой Дидье, если боитесь заскучать.

Я сопротивлялась. Послезавтра должен был приехать Луи, и я очень сомневалась, что он с радостью примет предложение сопровождать меня. Вот уже пять вечеров подряд мы говорили с ним по телефону и строили планы, как разобьем, наконец, бивуак на два дня в нашей квартире на улице Бургонь, будем сидеть и слушать в темноте пластинки. Он не захочет садиться в самолет, останавливаться в отеле, смотреть картины. Он не захочет

ничего, кроме меня.

— Я вас не понимаю, — сказала Ирен Дебу.

— Это точно, — быстро ответила я.

Я видела, как она покраснела от гнева. В последнее время я редко встречалась с ней и ее приближенными. Мы подолгу засиживались в редакции, охваченные творческим энтузиазмом, а потом я сразу шла домой. Дома я кормила собаку, ела сама и тут же засыпала после звонка Луи. Юлиус часто приезжал завтракать в небольшой ресторанчик недалеко от редакции. Казалось, он загорелся новым проектом не меньше нас. Он даже возил с собой в машине, подобно прилежному ученику, книги и альбомы по искусству, которые ему рекомендовал Дюкре. Он даже настоял на том, чтобы предоставить мне из своей конторы небольшой автомобильчик, чтобы мы с собакой чувствовали бы себя более комфортно.

Но в тот день я действительно попала в ловушку. Мне нужно было четко и ясно сказать «нет» на предложение поехать в Лондон. И не просто сказать, но и объяснить причину своего отказа. И присутствие мадам Дебу не только не смущало меня, а наоборот облегчало задачу. Она, конечно, превратит мою историю любви в анекдот, в маленькую интрижку, немного досадную. И этим своим обвинением в легкомыслии она должна была облегчить мне исповедь.

— Дидье тоже не может. Мы ждем его брата, Луи, который должен приехать в Париж на два дня.

При этих словах Юлиус не повел и бровью, зато мадам Дебу даже подпрыгнула на стуле. Она оглядела меня с ног до головы, а потом сурово посмотрела на Юлиуса.

— Луи Далек? — спросила она. — А это что за история, Юлиус? Вы в курсе?

Воцарилось молчание, которое Юлиус похоже не собирался нарушить. Он смотрел на свои руки.

— Юлиус совершенно не в курсе, — ответила я с вызовом. — Я познакомилась с Луи совсем недавно. Вы знаете, это он подарил мне собаку. Короче, он будет в эти выходные в Париже, и я не хочу ехать в Лондон.

Ирен Дебу разразилась пронзительным хохотом.

— Чушь, — сказала она. — Просто чушь.

— Моя дорогая Ирен, — начал Юлиус. — Если вас это не обидит, то я бы предпочел обсудить это с Жозе чуть позже. Мне кажется, что будет удобнее...

— Мне тоже, — заявила она. — Можете приступить к обсуждению прямо сейчас, если хотите. А я ухожу.

Она вскочила со стула и умчалась с такой скоростью, что Юлиус едва успел привстать, чтобы попрощаться.

— Вот это да, — сказала я. — Что это с ней?

— А с ней то, — сказал Юлиус, — что она думала, — как впрочем и я, — что вы очень любите свою работу, что вы ухватитесь за представившуюся вам прекрасную возможность, что вы не пренебрежете ею ради какого-то незнакомца. По сути, Ирен, несмотря на все свои недостатки, любит вас. Просто она не знает, с какой легкостью вы увлекаетесь.

— О ком это вы говорите?

— Об этом Луи Далек, — спокойно ответил Юлиус. — О нем и еще о том пианисте из Нассо.

Я смутилась и почувствовала, как краснею.

— Откуда вы знаете? — спросила я. — А если знаете, то как смеееете говорить мне об

этом? Вы что, следили за мной?

— Я же говорил вам, что вы меня интересуете.

За стеклами очков глаза его превратились в узкие щелочки. Он даже не смотрел на меня. Он вызывал во мне ужас, я сама вызывала в себе ужас. Я вскочила так резко, что щенок вздрогнул и принялся яростно тьявкать.

— Я ухожу, — сказала я, — мне невыносима одна мысль, что вы... вы...

Я клокотала от бешенства, от стыда... Я даже начала заикаться. Юлиус поднял руку в примирительном жесте.

— Успокойтесь, — сказал он. — Будем считать это недоразумением. Как договорились, в семь часов я заеду за вами.

Но я уже неслась прочь. Большими прыжками я перебежала проспект и втиснулась с собакой в машину. И лишь повернув ключ зажигания, я вспомнила, что это «его» машина. Но это уже мало заботило меня. Рискуя разбить его драгоценный автомобиль, я развернулась прямо на проспекте, пересекла мост и со всей скоростью направилась к дому. Кровь стучала у меня в висках. Я села на кровать, и щенок с любовью положил голову мне на колени. Теперь я не знала, что делать с собой дальше.

Спустя пять минут Юлиус позвонил мне в дверь. Он сел напротив и посмотрел в окно. Если вспомнить, то за все знакомство мы так ни разу и не посмотрели друг другу прямо в лицо. Когда я смотрела на него, то всегда видела один лишь профиль. Это был человек без жестов и без взгляда. Это был человек, который видел меня запертой в квартире с Аланом, был рядом, когда я плакала в нью-йоркском отеле, наблюдал за мной, увлеченной пляжным пианистом. Это был человек, который хранил обо мне несколько ярких и мелодраматических воспоминаний. Человек, о котором я не знала ничего или почти ничего. Единственный раз, когда он заговорил о своих чувствах, был, когда он, обессиленный, лежал в гамаке, и я видела лишь клочок его волос. Наша борьба шла не на равных.

— Я знаю, что вы предпочли бы остаться одной, — сказал Юлиус. — Но я хотел бы кое-что объяснить вам.

Я ничего не ответила. Я смотрела на него, и мне, действительно, очень хотелось, чтобы он ушел. Впервые я смотрела на него как на врага. Как это было ни смешно, но в тот момент меня заботило лишь одно: расскажет ли он о пианисте Луи или нет. Я понимала, что это по-детски глупо, что это не имеет ничего общего с ситуацией, но не могла заставить себя не думать об этом. Это была случайностью, чистой воды случайностью, но было страшно и подумать, что Луи решит, будто и он такая же случайность. Я знала, что он достаточно неуравновешен, чтобы поверить Юлиусу.

— Признайтесь, — сказал Юлиус. — Ведь вы злитесь на меня исключительно из-за этого пианиста. Это не я видел вас той ночью, а мадемуазель Баро. Но как бы то ни было — вы свободный человек.

— Вы называете это свободой?

— Я вам всегда говорил это, Жозе, — ответил он. — И вы всегда делали, что хотели. То обстоятельство, что я интересуюсь вами, вашей жизнью ни в коей мере не зависит от того чувства, которое я к вам испытываю. Вы думаете, что любите Луи, или вы действительно любите его быстро поправился он под моим взглядом Как бы то ни было на самом деле, я нахожу это вполне естественным. Но вы не в силах запретить мне думать о вас, в некотором смысле заботиться о вас. Это долг и право любого друга.

Он говорил спокойно, уверенно, и, действительно, что я могла возразить на эти слова?

— В конце концов, — продолжал он. — Когда я познакомился с вами, ваши дела шли из пук вон плохо, но потом, как мне кажется, я смог помочь вам... Конечно, я не должен был вот так сходу говорить вам там в Нассо о своих чувствах, но чувствовал себя таким усталым и одиноким... Потом, я же извинился перед вами на следующий день.

Воистину этот маленький, но могущественный человек был очень одинок. А я, в эгоизме только что обретенного счастья вела себя с претензией и жестокостью выскочки. Я опасалась его. И эти опасения, этот страх всегда вызывали во мне чувство стыда. Он все смотрел куда-то сквозь меня, и, поддавшись импульсу, я вскочила и положила ему ладонь на рукав. Конечно, он любил меня, и конечно, он страдал, ведь он не мог ничего изменить.

— Юлиус, — сказала я. — Я прошу, простите меня, со всей искренностью прошу... Я благодарна вам за все, что вы сделали для меня. Только вот я почувствовала, что за мной подглядывают, следят и... А «даймлер»? — спросила я вдруг.

— «Даймлер»? — переспросил он.

— Да, «даймлер» под моими окнами?

Он смотрел, ничего не понимая. В конце концов, разве в Париже только один «даймлер»? Я даже не знала какого цвета тот, что видел Луи. И потом я всегда испытывала отвращение к такого рода подробностям. Я предпочитала остаться в рамках дружбы и уважения, а не заниматься детективным расследованием. И снова, в который раз, чтобы не углубляться в познание сути вещей, я удовлетворилась изучением их форм.

— Не будем больше об этом, — сказала я. — Хотите что-нибудь выпить?

Он улыбнулся:

— Да, и на этот раз чего-нибудь крепкого.

Он достал из кармана маленькую коробочку и извлек из нее две пилюли.

— Вы продолжаете принимать эти лекарства? — спросила я.

— Большинство горожан поступают точно так же, — ответил он.

— Это транквилизаторы? Не представляете, насколько эта мания мне не нравится.

Это было правдой. Я никак не могла понять, как это можно с такой яростью стремиться смягчить удары судьбы. Мне казалось, что это показатель постоянного поражения. Что этот занавес, протянутый между несчастьем, горем и самим собой подобен белому флагу, возвещающему о капитуляции.

— Когда вы достигнете моих лет, — сказал Юлиус с улыбкой, — вы тоже не захотите попасть в такую зависимость от...

Он искал нужное слово.

— От собственного организма, — заключила я с иронией.

Он закрыл глаза, кивнул головой, и мне совсем расхотелось шутить. Может быть, действительно когда-нибудь наступит такой день, когда мне придется затыкать рот свирепым волкам моих желаний, крикливым птицам моих страхов и сожалений. Может быть, наступит день, когда я уже не смогу выносить даже саму себя, превратившись в черно-белую детальку без цвета и граней. И буду кататься на велосипеде, не выходя из ванной, периодически глотая разноцветные пилюли. Мускулистые ноги и обессилевшее сердце, решительное лицо и мертвая душа. Я вдруг увидела все это, но не поверила, потому что между этим кошмаром и мною стоял Луи. Я выпила вместе с Юлиусом виски, и мы, смеясь, вспомнили бегство мадам Дебу.

— Кончится тем, что она вцепится мне в горло, — заметила я весело. — Она терпеть не может, когда кто-нибудь ей возражает или не хочет подчиниться.

Я даже не предполагала тогда, что была очень недалеко от истины.

Приближалось лето. Через несколько дней должен был наступить июнь. Люксембургский сад был приветлив и полон крикливых детей, спесивых игроков в шары и старушек, тоже оживившихся с приходом тепла. Мы сидели на одной из скамеек — я и Луи. Мы решили поговорить серьезно. Потому что едва мы оставались наедине, как наши руки начинали тянуться к волосам, лицу друг друга. В своем блаженстве мы готовы были мурлыкать, словно кошки, и естественно, все, не относившееся к ласкам, оставлялось на потом. Мы переживали время молчаливого счастья. Наши фразы оставались незаконченными, и это не пугало, ведь тела договаривали несказанные слова. Но, похоже, в этот день Луи решил расставить все на свои места.

— Я вот подумал... — начал он. — Во-первых, я должен признаться тебе кое в чем. Мое благородное презрение к обществу было не единственной причиной, по которой я покинул Париж. Я был заядлым игроком. Играл в карты.

— Очень хорошо, — сказала я. — Я тоже играю в карты.

— Это ничего не меняет. Прежде чем окончательно промотать наше с Дидье состояние, я удрал. Я стал ветеринаром, потому что люблю животных, а потом — всегда приятно лечить тех, кто не может возражать. Но заставлять тебя жить в деревне я не хочу. Но и без тебя жить тоже не хочу.

— Если ты хочешь, я перееду в деревню, — сказала я.

— Я знаю. Но я также знаю, что ты любишь свой журнал. Да и я на самом деле очень хорошо могу устроиться в городе. Я знаю нужных людей, например владельцев конных заводов. Буду лечить лошадей и одновременно находиться рядом с тобой.

Я воспряла духом. Я не сказала Луи, что моя работа, по крайней мере мне так казалось, наполняла меня радостным, никогда до сих пор не испытанным чувством, что я годна хоть на что-то. А потом меня очень забавляло, что Луи был игроком, что у этого идеального мужчины, такого спокойного и уравновешенного, были недостатки. И действительно, его слова и поведение ночью говорили о скрытой внутри страсти, и я поверила в то, что он говорил о себе. Я знала, что ночь, как и алкоголь, развязывает людям языки. Но то, что он сам признался в своих слабостях, говорило о том, что он доверяет мне, что мы, наконец, добились истинной победы, когда влюбленные, исполненные счастья, опускают оружие недоверия.

— Мы будем жить под Парижем, — сказал Луи, — а потом, если ты захочешь, у нас будет ребенок, а может, два.

Впервые за всю мою полную приключений жизнь, такой оборот дела показался мне не только приемлемым, но и желательным. Я буду жить в загородном доме вместе с Луи, собакой и ребенком. Я стану лучшим искусствоведом Парижа. А в саду мы будем выращивать чистокровных лошадей. Это будет настоящий хэппи-энд жизни, полной бурь, погонь и бегств. И я наконец поменяю роль: я перестану быть загнанной дичью. Я превращусь в глубокий и гостеприимный лес, в котором найдут себе пристанище любимые и ласковые создания: мой спутник, мой ребенок и мои животные. Мне больше не придется идти от одной кражи к другой, от одного страдания к другому. Я буду поляной, купающейся в лучах солнца, речкой, куда будут приходить мои близкие, чтобы вдоволь напиться молока человеческой нежности. И это мое последнее приключение, на самом деле, было самым опасным, ибо на этот раз я не могла представить себе его конца.

— Это ужасно, — ответила я. — Но мне кажется, я не могу придумать ничего лучше тебя.

— Я тоже. Вот почему мы должны быть очень осторожны, особенно ты.

— Ты по-прежнему имеешь в виду Юлиуса?

— Да, — ответил он с улыбкой. — Этот человек не признает ничего, кроме силы и власти. И эта маска бескорыстия, которую он надел, общаясь с тобой, пугает меня. Я был бы более спокоен, если бы он потребовал чего-нибудь. Но я не хочу с тобой говорить об этом. Не мне тебя переубеждать. Ты поймешь все сама. И когда наступит этот день, я очень хочу, чтобы ты пришла ко мне.

— Чтобы пожаловаться.

— Нет, чтобы успокоиться. В разоблачениях нет ничего веселого. Ты сильно разозлишься на того, кто откроет тебе глаза. И я не хочу быть этим человеком.

Все это тогда показалось мне туманным и маловероятным. В своей эйфории я представляла Юлиуса скорее крестным, чем тираном. Я улыбнулась и встала. В шесть часов я должна была быть в кабинете Дюкре. Нам предстояло обсудить макет обложки. Луи проводил меня до редакции и ушел. В тот день он обедал с Дидье.

19

Я, конечно, опоздала и вошла в кабинет на цыпочках. В соседней комнате Дюкре говорил по телефону, и мне не хотелось мешать ему. Дверь была открыта. Я села за свой стол. Мне понадобилось немного времени, чтобы сообразить, что разговор идет обо мне.

— ...вы ставите меня в очень неловкое положение. Когда вы просили меня взять ее на службу, у меня не было никаких оснований отказать. В конце концов речь шла о человеке, который нуждался в работе, а у меня, из-за финансовых трудностей, был дефицит сотрудников. И так как вы лично попросили меня... Нет, ничего не изменилось, просто я думал, что она в курсе. Все эти два месяца, с тех пор как вы решили — ради нее — расширить мой журнал, я внимательно наблюдал за ней: она ничего не знает... Я, конечно, не знаю ваших планов... Да, меня это не касается, но, если она в один прекрасный день все узнает, то у меня будет вид непорядочного человека, а это не так. Это больше смахивает на ловушку...

Он резко запнулся и замолчал, потому что увидел меня, стоявшую на пороге. Я была в ужасе. Он медленно положил трубку и указал мне на кресло напротив. Я автоматически села. Мы смотрели друг другу в глаза.

— Полагаю, тут нечего объяснять, — сказал он.

Он был еще более бледен и сер, чем обычно.

— Да, — ответила я. — Все ясно.

— Намерения господина Крама казались мне добрыми, и я действительно верил, что вы в курсе. Лишь два месяца назад я был слегка сбит с толку, когда он попросил нагрузить вас работой, отправить куда-нибудь... Я ничего не понимал, до тех пор пока вы не познакомили меня с Луи Дале.

Мне стало трудно дышать. Мне было стыдно за себя, за него, за Юлиуса... По особенно горько мне было вспоминать тот образ молодой, умной, чуткой и образованной женщины по имени Жозе, какой я рисовала себе в этих пыльных стенах.

— Ничего, — сказала я. — Все было слишком красиво...

— Знаете что, — сказал Дюкре, — это ровным счетом ничего не меняет. Я готов

отказаться от предложения господина Крама, от нового журнала и оставить вас у себя.

Я улыбнулась ему, или, точнее сказать, попыталась улыбнуться, но у меня это очень плохо получилось.

— Это было бы очень глупо, — ответила я. — Что касается Меня, то мне, конечно, придется уйти, но я не думаю, чтобы Юлиус был настолько мелок, чтобы отыгрываться на вас.

Какое-то время мы молчали, с нежностью глядя друг на друга.

— И все же мое предложение остается в силе, — спокойно сказал он. — И еще, если вам понадобится друг... Простите, Жозе, я относился к вам, как к капризу.

Слезы навернулись мне на глаза, и я выскочила из кабинета. Я оглянулась: обшарпанные кабинеты, листы бумаги, репродукции, пишущие машинки — убедительная декорация для иллюзии. Я вышла. Я не пошла в кафе напротив, потому что там собирались сотрудники нашего журнала, и пробежала до следующего. Что-то сдавило меня изнутри: я хотела теперь лишь одного — докопаться до сути, разоблачить, узнать, все равно что. Я не могла обратиться к Юлиусу. Он бы превратил это предательство, представил бы покупку меня в простое внимание джентельмена, в бескорыстный подарок богатого добряка запутавшейся молодой женщине. Я знала лишь одного человека, который ненавидел меня настолько, что готов был выплюнуть правду. Этим человеком была жестокая мадам Дебу Я набрала ее номер, и к счастью, она оказалась дома.

— Жду вас, — сказала она.

Она, конечно, не добавила, «не сходя с места», но я знала, мчась в такси, что сейчас она причесывалась и готовилась к встрече с ликованием победительницы.

Мы стояли в салоне, и я была абсолютно спокойна.

— Не будете же вы утверждать, что ничего не знали?

— Я вам ничего не скажу, потому что вы все равно не поверите мне, — ответила я с вызовом.

— Естественно. Ну ладно. Вы, конечно, не знали, что снять квартиру на улице Бургонь за сорок пять тысяч старых франков невозможно? Вы, конечно, не знали, что портные, и мой в частности, не одевает задаром молоденьких незнакомок? И вам, конечно, не приходило в голову, что на это место в журнале претендовало пятьдесят молодых особ, в сто раз эрудированнее вас?

— Я должна была это знать, вы правы.

— Юлиус — человек терпеливый, и игра, захватившая его, могла продолжаться очень долго, несмотря на все ваши прихоти. Юлиус никогда не отказывался от своих планов. Но хочу вам признаться, что для меня, как и для остальных его друзей, было невыносимо видеть его прислуживающим такой...

— Такой — что?

— Ну, скажем... прислуживающим вам.

— Очень хорошо.

И я расхохоталась, что все-таки вывело ее из равновесия. От нее исходили волны ненависти, недоверия, презрения. Это было настолько забавно...

— И чего, по-вашему, хотел Юлиус? — спросила я.

— Вы хотите знать, чего хочет Юлиус? Он сказал мне это с самого начала: он хочет дать вам интересную приятную жизнь, дать вам время натворить глупостей, все равно ведь

вы неминуемо вернетесь к нему. Не думайте, что вам удастся так легко ускользнуть. Наше знакомство еще не окончено, моя милая Жозе.

— А я думаю, как раз наоборот, — ответила я. — Видите ли, я решила переехать к Луи Дале, так что на следующей неделе я уезжаю в деревню.

— А когда вы устанете от него, то снова вернетесь к Юлиусу. Вы будете рады найти его на прежнем месте. Ваши комедии развлекают его, а ваша притворная честность вызывает у него смех. Но мой вам совет: не переборщите.

— Насколько я понимаю, — сказала я, — он тоже презирает меня...

— Совсем нет. Он считает вас в глубине души порядочной, но говорит, что в конце концов вы уступите ему.

Я встала и на этот раз улыбнулась без всяких усилий.

— Не думаю. Очнитесь, ненависть ослепляет вас. Вы никак не можете понять одну простую вещь: вы наводите на меня смертельную скуку, вы и все ваши интриги. Интриги же Юлиуса оскорбляют меня, потому что я его люблю, но вы, в самом деле...

Мой удар достиг цели. Слово «скука» было для нее невыносимым оскорблением, а мое спокойствие внушало ей больше страха, чем открытая злоба.

— Со временем я выплачу все и Юлиусу, и портному, — сказала я. — Я сама поговорю с моей бывшей свекровью, улажу вопрос с денежным пособием. И на этот раз без Юлиуса.

На пороге она окликнула меня. Вид у нее был очень озабоченный.

— Что вы скажете Юлиусу?

— Ровным счетом ничего, — ответила я. — Мы с ним больше никогда не увидимся.

Выйдя на улицу, я зашагала, напевая про себя. Нечто вроде веселой злости вселилось в меня. Я все-таки покончила с этим враньем. Меня содержали и холили, чтобы развлекать всю эту публику. Как их, наверное, веселил мой независимый вид, мои похождения... Да, они здорово провели меня. Я была в отчаянии, но вместе с тем испытывала и облегчение: теперь я знала, что делать. Они надели на меня красивый золотой ошейник, но цепь лопнула. Все хорошо.

Я собрала свои вещи, и чемодан оказался полупустым. Я взяла лишь то, что осталось у меня после Алана. И правда, сказала я себе с иронией, самоуважение — не мой конек. Благодаря своей слепоте и детскому оптимизму, я позволила Юлиусу сделать меня посмешищем в глазах людей и в своих собственных глазах. Я оглядела благодарным взглядом это жилище, где исцелилась от Алана и узнала Луи. Мое призрачное и теплое убежище. Я надела на собаку поводок, и мы спокойно спустились по лестнице. Хозяйке дома, слава богу, хватило ума не показываться мне на глаза. Я переехала в маленькую гостиницу. Бросив чемодан на полу, я легла на кровать, а щенок устроился в ногах. Я смотрела, как вечер опускается на город, на шесть месяцев моей жизни, на разломанную дружбу.

Мягкое и ликующее лето я провела в доме Луи. Он никак не прокомментировал мой рассказ. Только стал лишь еще более нежным и внимательным. Часто приезжал Дидье. Мы вместе искали дом в предместьях Парижа и наконец, нашли в Версале. Мы были счастливы, и тот моральный надлом, усталость и меланхолия, которые сопутствовали моему бегству, рассеялись в течение месяца. Я не писала Юлиусу, не отвечала на его письма, даже не читала их. Из того круга я больше никого не встречала. Я виделась лишь с друзьями Луи, своими старыми знакомыми и чувствовала себя спасенной. Спасенной от смутной опасности, безимени и лица, которая из-за этого казалась мне еще страшнее, чем любые

другие, которые могли бы подстергать меня. А ведь я чуть было не приняла все всерьез, чуть было не осталась с людьми, которых не любила и с которыми скучала. Я чуть было не посвятила свою жизнь скуке, приняв ее за нечто совсем другое. Жизнь возвращалась ко мне, и она казалась вдвое прекраснее, чем прежде, потому что в августе я узнала, что жду ребенка от Луи. Мы решили окрестить их вместе: собаку и ребенка, ведь у подросшего щенка все еще не было имени.

19

Мы переехали. Несколько дней спустя, когда я переходила авеню Гранд-Армее в Париже, мне встретился Юлиус. Моросило, навстречу мне мчался «даймлер». Я сразу узнала его и остановилась. Юлиус вышел из машины и подошел ко мне. Он похудел.

— Жозе, наконец-то! Я был уверен, что встречу вас.

Я смотрела на этого маленького и упрямого человечка. Мне показалось, что впервые он глядит мне прямо в лицо. У него были все те же голубые глаза, блестящие из-под стекол очков, а на нем все тот же костюм цвета морской волны. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, что очень долго этот человек был для меня символом поддержки. А теперь я видела перед собой незнакомца, бесцветного, тусклого, но вызывавшего какое-то смутное беспокойство, словно маньяк, еще не проявивший себя.

— Вы все еще на меня сердитесь? Но все ведь кончилось, не так ли?

— Да, Юлиус, все кончилось.

— Я думаю, вы поняли, что все делалось для вашего же блага. Я, правда, был неловок.

Он улыбался, явно довольный собой. И я ощутила то же чувство, что и тогда при нашей первой встрече, в Салине: будто передо мной был не человек, а какой-то механизм, чужой и непонятный. Я не могла вспомнить ни одного нашего диалога. В памяти остался только один монолог, произнесенный на пляже, — единственный раз, когда он приоткрыл завесу и показал мне нечто, напоминавшее человеческое лицо. И именно это воспоминание удержало меня на месте, не позволив тут же умчаться прочь.

— Все лето я получал новости о вас, — добавил он. — Наверное, теперь я знаю Солонь так же хорошо, как и вы.

— Опять ваши частные детективы...

Он улыбнулся:

— Не думаете же вы, что я перестану опекать вас.

И неожиданно меня охватила злость. Я даже не успела подумать, а слова уже вырвались.

— А ваши частные детективы не сообщили вам, что я жду ребенка?

Он оторопел, но быстро пришел в себя.

— Это очень хорошая новость, Жозе. Мы дадим этому ребенку хорошее воспитание.

— Это ребенок Луи, — сказала я. — И на следующей неделе у нас свадьба.

И вот тогда, к моему великому удивлению, к моему ужасу, его лицо исказила страшная гримаса, а глаза наполнились слезами. Он буквально затопал ногами по тротуару, размахивая руками.

— Это неправда! — вопил он. — Это неправда! Это невозможно.

Я стояла оцепенев, не в силах ни двинуться, ни отвести глаз. Неожиданно из машины выскочил шофер и схватил его за плечи в тот самый момент, когда Юлиус уже замахнулся, чтобы ударить меня. Вокруг собралась небольшая толпа.

— Это мой ребенок, — кричал Юлиус. — И вы, вы — тоже принадлежите мне.

— Господин Крам, — причитал шофер, оттаскивая его назад. — Господин Крам...

— Отпустите меня, — продолжал кричать Юлиус. — Отпустите меня. Это невозможно!

Я говорю вам, что это мой ребенок!

Шофер продолжал волочить его, и тут я пришла в себя. Я повернулась на каблуках и бросилась в ближайшее кафе. Я очень долго просидела там, стуча зубами от страха, и не могла успокоиться. Я боялась выйти: мне все казалось, что Юлиус продолжает там стоять, задыхаться и корчиться от злобы, разочарования и может быть, от любви. Я позвонила Дидье, который сразу приехал и отвез меня домой.

Два месяца спустя я узнала, что Юлиус А. Крам умер. Кажется, от сердечного приступа, наступившего вследствие злоупотребления транквилизаторами, антидепрессантами и прочими средствами, помогающими убежать от действительности. Мы прошли по жизни параллельно, так наши пути и не пересеклись: мы навеки осталась чужими друг для друга. Каждый из нас видел лишь профиль другого, и между нами не было любви. Он мечтал лишь о том, чтобы обладать мною, а я о том, чтобы убежать от него. Вот и все. Если подумать — довольно жалкая история. И все же я знала: когда время наведет порядок в моей хрупкой памяти, я буду помнить о нем лишь одно: клочок седых волос, торчавший из гамака, и усталый, неуверенный голос: «Потому что с тех пор, как я узнал вас, мне ни разу не было скучно».

Серия 'ЛИЦА ЛЮБВИ'

Франсуаза Саган

В ловушке любви

Я любила его. Я не знала почему, почему именно его, почему так быстро, так сильно, но я любила его. Мне хватило одной ночи, чтобы жизнь превратилась в то самое райское яблоко, такое налитое и сладкое. А когда он уехал, я ощутила себя отрезанной половинкой этого яблока, чувствительной лишь к нему и ни к кому другому. Одним прыжком я перемахнула из королевства одиночества в королевство любви. И странно, что ничего не изменилось: мое лицо, имя, возраст...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Игра слов: совпадающее по звучанию с фамилией Дебу французское *etre debout* означает «стоять на ногах».